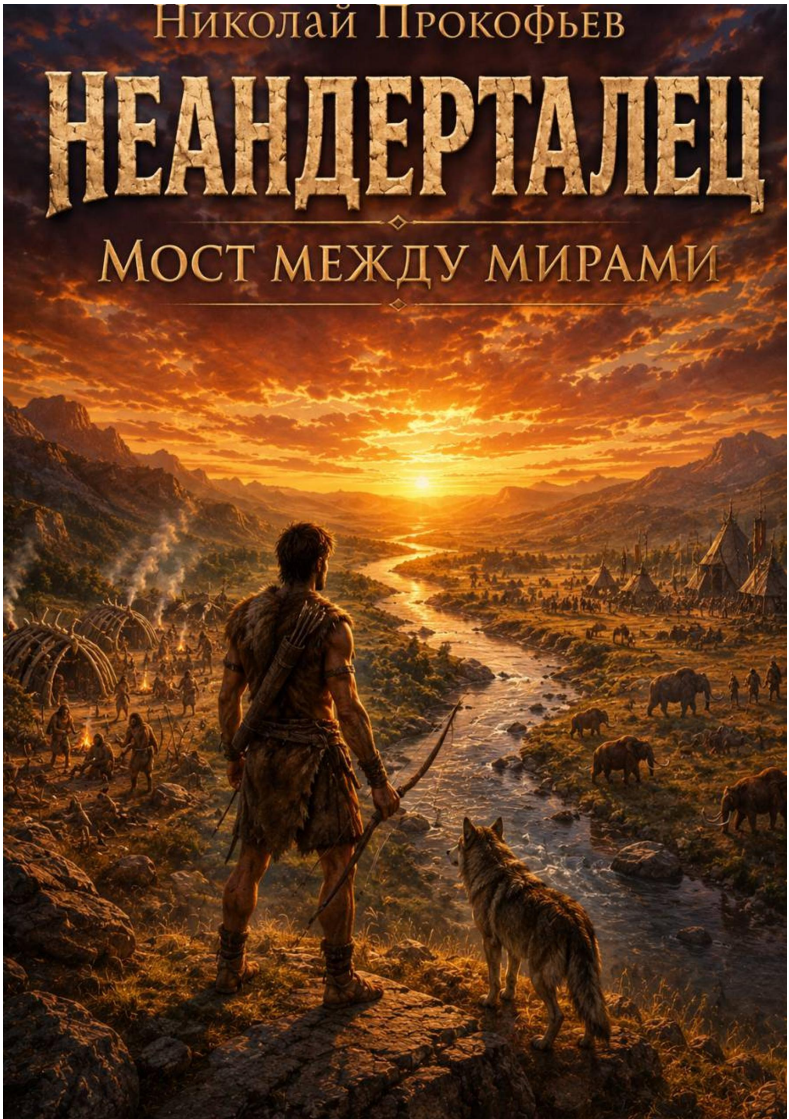
Николай Прокофьев

Неандерталец

Мост между мирами

Николай Прокофьев

Неандерталец Мост между мирами

Серия «Неандерталец», книга 2

https://litres.ru/74704479
SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение истории начатой в книге: Неандерталец Выжить любой ценой.

Я научился выживать в каменном веке.
Но теперь мне этого мало.
У меня появился дом.
Появились "свои", но появились и "чужие".
Я больше не хочу бежать от этого мира.
Я хочу изменить его.
Но чем дальше я захожу,
тем сильнее понимаю:
я здесь не случайно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Николай Прокофьев
Неандерталец Мост между мирами

Глава 1

Я сижу у очага и смотрю, как догорают подброшенные мною час назад дрова. Время движется к утру. Сегодня я дежурю «костровым», слежу за огнем, обеспечиваю племя теплом и уютом. Скоро утро, и меня подменит Мата, которая займется приготовлением завтрака, а я пойду спать. Дрова приходится экономить, так как всё, что не спрятано под снегом, мы давно уже выбрали, а до «окончания отопительного сезона» еще месяц, а то и два. Четыре месяца прошло с тех пор, как мы уничтожили разведывательный отряд высоких и, устранив тем самым угрозу, решили остаться на зимовку здесь, в этой пещере. Особого выбора у нас, честно говоря, и не было: идти нам все равно было некуда. Наше мнимое бегство было лишь операцией прикрытия, всё равно пришлось бы вернуться. Но наша уловка удалась, «Высокие» поверили, бросились в погоню и попали в умело расставленную ловушку. Надеюсь, когда-нибудь эта операция войдет в учебники по тактике ведения войны в неравных условиях и выжива-

ния племен. Если такой учебник будет когда-то написан.

Позади четыре месяца зимы. Четыре месяца ежедневной борьбы за жизнь с природой. Борьбы за тепло, борьбы за пищу. Сейчас, хоть снег и закрывает землю сплошным покрывалом, световой день уже значительно увеличился, и с некоторой долей оптимизма можно сказать, что мы перезимовали. Не без потерь, но всё же. На охоте погиб Заяц, молодой и не слишком опытный охотник. По иронии судьбы он был разорван диким кабаном. Был бы я чернушником, непременно пошутил бы, что его должны были съесть волки, но нет. И умерла женщина по имени Нута (Куница), я подозреваю, что причиной смерти стал перитонит вследствие воспалившегося аппендикса. Она долгое время молчала и не говорила никому о своем недомогании, а когда рассказала, было уже поздно. Да и скажи она раньше, что изменилось бы? Я не врач, и тем более не хирург, и даже если я угадал и причиной был аппендицит, то что я смог бы сделать? А ни-чего. Но Грох говорит, что два человека за зиму — это совсем небольшие потери, можно сказать, в рамках статистической погрешности. Зато у нас в племени есть пополнение. Два новорожденных (мальчик и мальчик) и один пришедший охотник из племени Старого Орла. С его слов, племя выследили высокие и напали внезапно. Племени больше нет, он остался один и чудом выжил, потому что задержался в тот раз на охоте, попал в буран и заночевал под какой-то вывороченной корягой, пережидая непогоду. Когда на следующий день

пришёл на место стоянки, застал там холодный очаг, уничтоженные хижины и трупы своих соплеменников. Я сейчас не вспомню, как его звали раньше, хотя он и называл свое имя, но в племени его стали звать Ми-ха, что означало «прилетевший Орёл», в память о его погибшей семье. Так что если свести дебет с кредитом, то мы пока даже в плюсе. Четыре месяца. Сто двадцать дней. Я умею считать. Это один из немногих навыков из прошлой жизни, который мне здесь пригодился. Да не просто пригодился, а оказался настоящей «суперспособностью». Взрослые мои соплеменники умеют считать до трех, иногда до пяти. Некоторые — до двух рук по пять, но это если очень нужно. Дети, благодаря мне, уже легко считают до двадцати, а я считаю до скольких нужно. Сто, тысяча, миллион. Не вопрос. Правда, это не все осознают. Но это очень хорошо понимают дети. Они уже поняли, что и двадцать для них не предел, и тоже хотят расширить свой математический потолок, но цифра оказалась психологически тяжелой, потому что ограничена количеством пальцев на ногах и руках. Но мы уже нашли выход из ситуации. Догадались какой? Правильно! Два ребенка могут считать до сорока. Ну, если честно, то пока ещё не могут, но идея им понятна, и я думаю, к окончанию зимы и этот барьер будет взят. Я пытался использовать в обучении счетные палочки и камешки, но дети мысленно всё равно переходили на пальцы, так что эта затея провалилась. Зрительные ассоциации здесь развиты намного сильнее, чем хотелось бы.

Проснулась Мата. Подошла к очагу, поставила на угли плоский камень, налила в углубление воды. Сейчас вода нагреется, и Мата будет умываться. Это тоже наше нововведение. Правда, используют его пока не все. Мате, еще двум женщинам и детям неожиданно понравилось, а взрослые охотники, и даже Грох, в недоумении пожали плечами. Им привычнее натираться золой. Чего не скажешь о гигиене полости рта. Здесь ситуация обратная. Они приучили меня каждое утро и перед сном жевать ивовую палочку. Учитывая, что стоматологов здесь нет, сопротивляться я не стал. Надо — значит надо. Благо палочка у меня своя, не общая, не подумайте.

— Мясо было, — говорит Мата. Голос ровный, но присутствует какая-то неуловимая интонация, по которой я понимаю: что-то не так. – Дан ест мясо?

— Нет, — отвечаю я и подхожу к Мате, не вполне понимая, что она имеет в виду. Слежу за её взглядом. Мата смотрит на куски замоченного с вечера вяленого мяса. Там два куска. Должно быть три. Мата сама лично замочила их вчера, чтобы сварить сегодня.

— Было три, — говорю я. – Я точно помню, что было три.

Мата кивает. Медленно, тяжело.

— Было три. – подтверждает она. - Теперь две. Одной нет.

Мата умеет считать до пяти. Мы молчим. Пещера постепенно просыпается. Раздаются шорохи и вздохи, глухо кашляет Молот, сильно простывший на рыбалке неделю назад.

Пропало мясо. Не просто пропало – исчезло ночью, когда все, кроме меня, спали. Я про себя точно знаю, что я не трогал. Но я должен был видеть, если бы кто-то встал и под покровом ночи втихаря съел целый кусок. Не могу сказать, что я бодрствовал всю ночь, были моменты, когда я ненадолго проваливался в полудрему, но если бы кто-то встал, подошел и взял из воды мясо, я бы точно заметил. Это первый случай пропажи в племени. Раньше такого не было. Мата снова смотрит на меня долгим внимательным взглядом. Я точно знаю, что я не брал. Чувствую себя собакой. Все понимаю, а доказать не могу. Кто такая собака, объяснить им тоже, кстати, не смогу.

Первый месяц зимы был относительно легким. Мы вернулись в зимний дом после мастерски устроенной нами ловушки, когда Молот добил «высокого» вопреки моей просьбе. Тогда казалось, что самое худшее позади, и, возможно, так оно и было, но с каждым днем количество мелкой живности в окрестностях пещеры уменьшалось, и чтобы прокормить племя, охотникам приходилось уходить каждый раз всё дальше. В декабре ожидаемо ухудшилась погода. Лес завалило метровым слоем снега, и все лежащие поломанные сухие дрова оказались скрыты от нас. Приходилось рубить живые деревья, что занимало больше времени, тратило больше наших сил, но приносило в конечном итоге меньше тепла. Но у нас была крыша над головой, и «высокие» на время потеряли наш след. Первые недели ушли на обустройство. Зим-

ний дом оказался очень хорошим местом. Вход в пещеру, узкий и почти незаметный, защищен с трех сторон скалами от ветра, а узкая трещина в потолке свода пещеры создает достаточную тягу, чтобы уходил дым от очага и костров. До нас здесь жило другое племя. А до него, скорее всего, еще одно. Много раз. Может, сотни лет. Может, тысячи. Пещера не может рассказать об этом, хотя пытается. На стенах кое-где есть рисунки, которые я пытаюсь изучать.

В первый месяц зимы, пока еще не всё было завалено снегом, я, как и обещал, сделал Гроху такую же постель из мха, и некоторые другие наши соплеменники последовали моему примеру, но потом весь мох окончательно скрылся под снегом. Гроха беспокоит нога. Прошлогодний перелом не прошел для него даром. Нога Гроха была сломана в схватке с «высокими» еще до нашего с ним знакомства. Точнее, этот день и стал днем нашего знакомства. Я спас его, буквально вытащил на себе и лечил как умел. Перевязывал, накладывал шины, делал компрессы из полыни, поил Гроха отварами из коры ивы. Эффект от них, кстати, похож на эффект от аспирина – снижается воспаление и боль. Помогало всё это, конечно, слабо, но это было хоть что-то. Потом был полуторамесячный, наверное, переход наш с Грохом в поисках его племени. Сперва Грох шел на костылях, не наступая на больную ногу, но потом упрямо отбросил их. Кость вроде бы срослась, но со временем нога стала хуже. Грох говорит: «Когда холодно – нога кричит, когда тепло – только стонет».

В последнее время нога «кричала» все чаще. Грох старается не подавать вида, но я вижу выражение его лица каждый раз, когда он снимает свои «мокасины». Место перелома явно опухшее. Что там? Инфекция? Ревматизм? Воспаление? Я не врач. Я менеджер, да и то в прошлом. Но я единственный здесь, кто хоть что-то понимает в медицине. Есть еще Старый Зубр, вождь и «отец» племени, но он больше занимается духовной стороной вопроса, а не физической.

Второй месяц нашей зимовки прошел тяжелее. Практически не было мяса. Охота зимой – дело сложное и опасное. Распуганная дичь ушла дальше от зимнего дома в глубь леса или залегла в спячку. Бизоны откочевали далеко на юг, где меньше снега и проще добыть себе пропитание. Есть зайцы и куропатки, но на девятнадцать человек, включая женщин и детей, одного зайца явно мало, а тощая куропатка — это вообще ни о чем. Сейчас нас двадцать. Как пальцев на руках и ногах. Восемь взрослых охотников, включая меня и Гроха, пять женщин, пятеро детей, из которых двое новорожденных, плюс Старый и Сыч. Сыч тоже старик. Пришлось экономить. Порции уменьшились. Бывали дни, когда мы питались не два раза в день, а только один. Дети получали больше — стратегия правильная, потому что дети — это будущее племени, и если они умрут с голоду, у племени не будет завтрашнего дня. Взрослые терпели. Некоторые лучше других, некоторые хуже. Например, Молот ходит с напряжённым лицом человека, который хочет убить кого-то, но пока держит-

ся. Иногда я ловлю его взгляд, направленный на меня, и подозреваю, что он думает: я ем больше, чем положено. Или что я вообще не должен есть, потому что не охотился и не заслужил. Он не злится постоянно. Иногда он смотрит на меня так, будто видит впервые, и в такие моменты мне кажется, что он думает обо мне: «Какой ты, чёрт возьми, такой? Откуда взялся? Почему ты здесь? Чего ты хочешь?» Вопросы хорошие. Я бы сам хотел знать ответы. Поначалу нас здорово выручала рыбалка. Я научил племя плести мерёжи из ивовых прутьев, и добывать рыбу стало намного проще, чем в то время, когда приходилось лежать голым пузом на льду, с острогой в руке, вглядываясь в воду. Тут тоже получилось не сразу и не всё. Но когда мы учли ошибки и нашли удобные места, где можно разместить наши ловушки, рыба в нашем рационе стала постоянным продуктом. К сожалению, не на всю зиму. С усилением морозов даже полыньи с самым быстрым течением тоже затянуло льдом, и приходилось каменными топорами прорубать проруби, чтобы опустить мерёжу, а на следующий день заново прорубать, чтобы извлечь её. Сил и времени на это уходило немало. Третий месяц зимовки был самым тяжелым. Точнее, я очень надеюсь, что более тяжелых месяцев у нас больше не будет. Снег валил в течение нескольких суток и покрыл землю толстым сплошным слоем, по пояс, а местами и выше. Всё окончательно скрылось под снегом. Передвигаться без лыж было невозможно. А вот лыжами здесь еще не пользовались. Племя использовало ка-

кие-то громоздкие и неуклюжие приспособления вроде снегоступов, но о какой-либо скорости передвижения в них говорить было бесполезно. Сейчас, конечно, поздно, но памятуя о поговорке: «готовь сани летом, а телегу зимой», летом обязательно надо будет озаботиться изготовлением лыж из молодых деревьев. Найти подходящее дерево, срубить, отсечь всё лишнее и высушить. Помнится, деревянные лыжи еще рекомендовалось смолить. То ли для лучшего скольжения, то ли для того, чтобы не гнили. Ну, растопить на огне еловую смолу и просмолить тоже смогу. Дело вроде нехитрое. Но это всё летом. А сейчас, при таком слое выпавшего снега, выходить из пещеры стало мучением. Ветер бил в лицо, ноги проваливались в сугробы, снег набивался в мокасины, попадал под шкуры и холодил и без того с трудом справлявшееся с морозами тело. Дрова таскать приходилось издалека. В пещере оставался неприкосновенный запас топлива для очага, но он был, в буквальном смысле слова, «неприкосновенным», на случай, когда мы вообще ничего не сможем принести с улицы. На примере дров, кстати, я первый и не последний раз показал племени, как может быть полезна математика и умение считать более чем до трех. Я подсчитал однажды: одна средняя лиственница со стволом толщиной в бедро, высотой метров пять-шесть и без ветвей даёт примерно четырнадцать часов интенсивного горения при условии, что мы поддерживаем один большой очаг днём и два небольших ночью. У нас три очага — центральный, общий, где го-

товят еду и греются днём, и два небольших, у дальней стены пещеры, под расщелиной, дающих дополнительное тепло ночью. Потом я высчитал среднее количество дров, необходимое на все три костра, и пересчитал количество уже запасенного. Когда я заявил Старому Зубру, что если топить только этими дровами, то запаса хватит всего на три руки пальцев, мне сначала не поверили. Проверить это было возможно только опытным путем, но сжигать весь неприкосновенный запас, чтобы доказать мою неправоту, даже Старый Зубр счел перебором. Тогда было принято соломоново решение. Было решено в течение одной руки (пяти дней) жечь только дрова из запаса, а приносимые в это время дрова складывать отдельно. Для чистоты эксперимента наш запас был поделен на три кучи. Как вы понимаете, спор я в итоге выиграл, и Старый разрешил мне заниматься математикой с детьми дополнительно. Он даже не разрешил, а поступил мудрее: он дал мне такое задание. Потом мною было предложено пересмотреть принцип сжигания дров. Точнее, раньше никакого принципа не было, и когда я пытался объяснить, что именно я имею в виду, меня долго не понимали, но в конце концов махнули на меня рукой, разрешив мне делать, что захочу. Мы условно разделили дрова на три сорта. «Первый сорт» — толстые сухие стволы, дающие жар и долго горящие. Их берегли для самых холодных ночей. «Второй сорт» — средние ветки, обычное ежедневное топливо. «Третий сорт» — тонкий хворост, хлам, который горит быстро и даёт мало жа-

ра, но годится для разжигания огня, когда очаг был погашен и его необходимо развести заново. Я зарубил эти категории на большом плоском камне у входа: три разные черты. Потом объяснил всем, что значит каждая. Мата поняла первой — она, оказывается, имеет талант к организационным системам, просто раньше ему негде было проявляться. Она начала сортировать хворост по моим категориям и требовала от детей того же. Примерно неделю Мата приучала всех «костровых» к новой системе расхода, и в конце концов это вроде как вошло в привычку. К сожалению, должен признать, что сколько именно удалось сэкономить, высчитать мне не удалось, потому что все мои «расчеты» вылетели в трубу (а точнее, в щель в потолке пещеры), когда наступили по-настоящему сильные морозы, и дров приходилось сжигать в три – в четыре раза больше, чем я рассчитывал. Но всё равно я был уверен, что, не отсортируй мы древесину, потратили бы еще больше. Это был еще один мой небольшой повод для гордости.

Сейчас заканчивался четвертый месяц нашей зимовки, после уничтожения отряда «высоких». И всё было хорошо, до сегодняшней ночи, когда пропало мясо. Мата всё ещё стоит рядом, ожидая моего ответа. Я смотрю на оставшиеся куски и думаю. Ничего нового сказать ей я не могу. Я это мясо точно не брал, и кто это сделал – я тоже не видел. Хотя, по идее, видеть был должен. Этому могло быть несколько объяснений. Первое: Я задремал крепче, чем мне показалось,

и тогда кто-то съел его ночью. Кто-то из нас проснулся, нашёл связку, съел и решил, что никто не заметит пропажи одной связки из трёх. Второе: кто-то спрятал его. Для себя. На чёрный день. Это тоже возможно — люди делают странные вещи, когда голодают достаточно долго. Но проблема в том, что ранее воровства у нас никогда замечено не было. Третье: это ошибка. Мата ошиблась, когда считала вчера. Или я ошибся, когда проверял перед сном. Или связка упала куда-то за камень, за шкуру, в щель в полу, и просто лежит там, ждёт, когда её найдут. Версия, конечно, – дрянь, но чем черт не шутит, пока не будем сбрасывать со счетов и её. Четвёртое: что-то другое. Что-то, о чём я пока не думаю, потому что три первых объяснения покрывают девяносто девять процентов вероятностей.

— Скажешь Старому? — спрашиваю я.

Мата пожимает плечами.

— Скажу. Он скажет: «смотрите внимательнее». Всегда так говорит.

Она забирает два оставшихся куска и идет готовить завтрак для просыпающегося племени.

Одним из первых просыпается Грох. Я слышу, как он возится и сопит под своими шкурами. Вот наконец он вылазит из-под них и, кряхтя, начинает наматывать на ноги свои «мокасины». Выглядит сегодня он еще хуже, чем вчера вечером. Лицо осунувшееся, серое. Видимо, больная нога не позволяет нормально выспаться. Всю ночь он ворочался, пытаясь

найти положение, в котором нога меньше болит, находит его на полчаса – час, а потом всё по новой. Боль будит его, и он снова начинает ворочаться.

– Холодно, – бурчит он под нос, присаживаясь рядом со мной к костру.

Это его стандартное утреннее приветствие. Не «доброе утро», не «как спалось», а просто «холодно». Это его «холодно» напоминает мне стандартное американское «как дела», когда тебе задают этот вопрос просто потому, что так принято, а вовсе не потому, что собеседника действительно интересует твоя жизнь. Так и тут. Это просто констатация факта. Холодно. Холодно всегда. Ну ладно, не всегда, а шесть месяцев в году. Почему шесть? Да потому, что остальные шесть очень холодно.

— Осталось немного подождать, — отвечаю я. — Солнце выше. Снег начнёт таять. Скоро.

Грох кивает. Он тоже знает, что зима не вечна. Он тоже замечает, что хоть снега на улице еще полно, но световой день уже ощутимо увеличился, а в ясные дни солнце пригревает так, что над входом в пещеру начинают нависать огромные сосульки. Грох садится рядом, протягивает руки к огню. Греет костлявые пальцы, покрытые шрамами от порезов и ссадин.

— Мясо пропало, — говорю я ему без предисловий. Грох не удивляется. Просто кивает, как будто ожидал.

— Опять?

— Опять? Это случалось раньше?

— Раньше... мало было. Можно... не замечать. Теперь... Дан, считай каждое... Заметил.

Он имеет в виду: раньше, когда еды было много, пропасть одному куску — никто бы и не обратил внимания. Теперь, когда каждый кусочек на учёте, любая потеря — событие. — Нет, Грох, – отвечаю я. – Я не про общие запасы. Я про то, что Мата отложила вчера вечером на завтра. Было три куска, осталось два.

— Кто взял? – Спокойно спрашивает он.

— Я не знаю, – отвечаю я. – поэтому и говорю, что пропало. Я не брал. При мне ночью никто туда не подходил. Я, по крайней мере, не видел.

— Плохо. – Глубокомысленно и философски замечает Грох, продолжая греть руки.

Он имеет в виду: раньше, когда еды было много, пропасть одному куску — никто бы и не обратил внимания. Теперь, когда каждый кусочек на учёте, любая потеря — событие.

— Кто мог взять, Грох? Ты плохо спал ночью? Не видел? Никто не ходил по пещере?

Грох пожимает плечами.

— Не знаю. Кто-то... голодный. Я не видел… Смотреть, кто сытый. Кто не будет есть утром.

Типичный Грох — практичный, конкретный, без эмоций. Тоже мне, пещерный детектив. Я понимаю, что неандертальцы — люди весьма простые и бесхитростные, но не думаю,

что воришка будет настолько прост, что спалится вот так, отказавшись от завтрака. Мясо воруют потому, что не хватает. А когда не хватает – не отказываются от положенного.

Следующим проснулся Молот. Он не подходит к очагу. Сразу же идет к выходу, откидывает шкуру, закрывающую проем, и смотрит наружу. Оценивает погоду, решает по одному ему видимым приметам, есть ли сегодня смысл отправляться на охоту или рыбалку. Убеждается, что за ночь у пещеры не появилось чужих следов. Молот — это наша контрразведка и служба безопасности в одном лице. Интересно, если рассказать ему о пропаже мяса, как будет действовать он? Да ну, нафиг. Еще обвинит меня недолго думая, и доказать, что я ни при чем, я не смогу. Презумпция невиновности тут пока еще не работает. Молот справляет малую нужду, прямо тут, у входа в пещеру, и только потом возвращается внутрь и подходит к очагу. Я пока так и не смог отучить их от этой привычки.

— Следов нет, - говорит он вместо приветствия. – Снег чистый. Только сильный ветер.

Молот садится рядом с Грохом и молча смотрит на огонь. Постепенно просыпаются все остальные. Одним из последних просыпается Старый Зубр. Раньше, когда я только попал в племя, мне казалось, что он, наоборот, никогда не спит, но, став часто дежурить ночным костровым, я понял, что это не так. Долгие зимние месяцы ослабили и его тело тоже. Раньше он действительно просыпался одним из первых, и поэтому я

никогда не мог увидеть его спящим, но теперь всё изменилось. Ему много лет. Сколько именно — он не знает, никто не знает. Считают по зимам: «много зим назад я был мальчиком», «ещё больше зим назад умер мой отец». Чисел нет. Есть слово «много», которое ничего не говорит мне. А им, в общем-то, этого достаточно. Какая разница, сколько лет Старому Зубру? Много. Старый кашляет. Глубоко, с хрипом. В груди у него что-то булькает и клокочет. Мата сразу оборачивается — инстинкт заботы. Она приносит ему воду. Старый принимает свой «кубок», медленно пьёт. Смотрит на меня.

— Мясо... пропало? — спрашивает.

Я киваю. Он всегда знает. Даже не спрашивая.

— Плохо. – Повторяет он слова Гроха с практически идентичным спокойствием.

Смотрит на меня внимательно. Не обвиняет, не спрашивает. Но я не удивлюсь, если он что-то знает. Он всегда знает больше, чем говорит.

Примерно так начинается каждое утро в течение последних трех-четырех месяцев нашей жизни. За исключением того факта, что раньше мясо не пропадало. Но всё когда-то случается в первый раз.

И есть еще одна странность, о которой я хотел бы упомянуть. Овальный медальон, снятый мной с шеи убитого воина «Высоких». В первый момент, в пылу схватки я не понял, из чего он сделан, мне показалось, что это отполированная кость какого-то животного. Потом у меня не было возмож-

ности его рассмотреть, потому что все члены племени очень боялись даже упоминания о медальоне. Никто не знал, что я забрал его, и говорить об этом не стоило, чтобы не навлечь на себя гнев соплеменников. Тогда, в ущелье мне запретили прикасаться к нему, и снял я его тайком. Снял и спрятал позже, далеко от пещеры, в расщелине, на холме, в получасе ходьбы от Зимнего дома. Так вот, когда я наконец смог рассмотреть амулет внимательнее, я очень крепко задумался. Он был сделан не из кости и не из камня. Это был… пластик.

Глава 2

Через час Мата кормила племя завтраком. Она делала это каждое утро сама, не доверяя никому. Я, правда, не помню ни одного дня, когда бы она пропустила свою обязанность. Она была хранителем еды, поваром и министром пищевой промышленности в одном лице. В племени были еще женщины, и случалось, что они помогали Мате, но это была именно помощь, а не подмена.

Когда я доказал прикладную пользу математики, Мата разрешила мне помочь ей с планированием порций. В том смысле, что порции она распределяла сама, а я говорил ей, сколько можно взять еды из доступных запасов и на какое время хватит оставшегося.

Благодаря этому симбиозу питались мы теперь регулярно, но порции стали чуть меньше. До того, как мы ввели долгосрочное планирование, бывали дни, когда ужин или завтрак на следующий день после удачной охоты мог быть сытным, а через пару дней есть было совсем нечего. Вариант, когда пища есть всегда, пришёлся всем по душе, даже несмотря на уменьшившиеся порции. Вот и сегодня у нас осталось два куска мяса на два десятка человек. Должно было быть три, но увы. Один таинственным образом испарился, и теперь Мата делила оставшееся на миниатюрные порции, которые уже нельзя было назвать даже кусочками. Тонкие пластинки бы-

ли больше похожи на то, что французская кухня назвала бы карпаччо, если бы карпаччо варили в талой воде в не самой чистой шкуре и подавали без соли, масла и прочих специй, делающих еду едой. Внезапно я вспомнил волшебное слово «майонез», и рот тут же наполнился вязкой слюной. Ну, майонез нам пока недоступен, а вот заготовлением специй летом обязательно надо будет озаботиться. Кой-какие травки я тут видел. Тот же тмин и дикий чеснок. Хотя, почему дикий? Домашнего тут еще пока нет. Значит, просто чеснок.

В первую очередь свои порции получили дети. Это было правило, которое никто не оспаривал: дети — это будущее племени, и если они умрут с голоду, у племени не будет завтрашнего дня. Кстати, тут мой дед ошибался. Он когда-то был уверен, что первыми питались вождь и лучшие охотники. По праву сильного и для того, чтобы иметь возможность продолжать охотиться. Потом женщины, а старики и дети уже по остаточному принципу. Но нет, все было не так.

Вторыми в очереди были старики. Благо их у нас осталось всего двое. Старый Зубр и Сыч получили свои порции — жидкий бульон с плавающими в нём волокнами мяса. Старый съел его медленно, не торопясь, прямо-таки с каким-то аристократическим достоинством. Только что мизинчик не оттопыривал. Несомненно, он переживал и более тяжелые времена, когда даже такое количество мяса было праздником. Он помнил такие времена. Он помнил многое.

Третьими ели женщины. Мата, две её помощницы и молодые матери. Они ели молча, быстро, запивая свои мизерные порции бульоном.

Последними — охотники. Восемь человек, включая меня и Гроха.

Молот получил свой кусок первым из охотников. Он не посмотрел на меня. Просто взял, положил в рот, жевал с таким выражением лица, будто резиновую подметку. Но он получил нормальный размер. Нормальный, как у всех.

А потом подошла моя очередь. Мата протянула мне кусок. Я посмотрел на него. Потом на неё. Потом снова на кусок. Он был меньше. Ненамного, но меньше, чем у остальных охотников. Может, на треть. Может, на четверть. Но — меньше. И Мата знала это, и сделала так нарочно, а не случайно. Я видел это по её глазам.

Я не сказал спасибо, а молча взял, положил в рот и начал жевать.

Вкус был таким же, как у всех, правильнее было сказать — вкус был никаким. Но сейчас этот кусочек мяса имел еще один привкус. Привкус недоверия. Мата не поверила, что я не трогал тот проклятый пропавший кусок.

Я не обиделся. Честно. Наверное, я на её месте подумал бы так же. Слишком многое было сегодня против меня, а вот алиби и свидетелей у меня не было, да и презумпцию невиновности, как я, кажется, уже говорил, пока не изобрели. Ночью у костра дежурил я, мясо пропало ночью. Вывод — мя-

со взял я. Но я-то знаю, что я его не брал! Кстати, есть еще один любопытный момент. Неандертальцы не врут. Не любят врать. Не умеют. Я не знаю, как это правильно выразить. В общем, в их образе жизни очень редко возникает необходимость скрывать правду или обманывать, и поэтому это просто не заложено в них на генетическом уровне. Общение с другими племенами сведено к минимуму, а говорить воинам своего племени, что верблюды ушли на запад, когда на самом деле они ушли на восток, смысла нет. Да и верблюдов я здесь не встречал. Впрочем, как и Штирлица.

Но что-то я отвлекся. Итак, неандертальцы не врут. Не принято. И исходя из этого, верят друг другу на слово. Но я-то не неандерталец, и поэтому вижу, как чувства Маты разрываются надвое. С одной стороны, я сказал, что не брал — значит, не брал. Но на второй чаше весов тот факт, что мясо пропало, и дежурил я, и значит, взять больше некому. Да еще вдобавок я не неандерталец. Но я говорю, что я не брал. Круг замкнулся. Господа присяжные — выносите решение. Я проглотил остатки своей порции, допил теплый мутный бульон и встал. Ноги затекли, спина ныла, шея не поворачивалась. Пятый месяц зимовки делал свое дело: я чувствовал себя как пенсионер после ночи на раскладушке в неотапливаемом гараже.

Отлично. Просто отлично. Моя репутация сегодня с утра дала хорошую трещину, и чтобы её нейтрализовать, мне придется постараться. Но это потом. А сейчас — спать. Сегодня

я, как отдежуривший ночь, имел на это право.

* * *

Проснулся я часа через четыре, когда день уже был в самом разгаре. Народа в пещере было немного. Старый сидел на своем постоянном месте и смотрел на огонь, Мата перебирала остатки трав, две женщины (те, что были молодыми мамашами) скоблили шкуру, да дети увлеченно чертили что-то на песчаном полу пещеры. Мужчины, видимо, были на охоте, а две помощницы Маты собирали хворост или отлучились за снегом, чтобы растопить его на воду.

— Иду наружу, — сказал я в пустоту и пошел к выходу из пещеры.

Никто мне не ответил. Все были заняты своим делом. Я дошёл до выхода, откинул шкуру, закрывающую проём, и вышел. И тут остановился. Сверху капало. Я слышал этот звук еще из пещеры, редкий, но явственный: кап, кап, кап… Но тогда я подумал, что мне показалось. Что это просто талая вода капает с какой-то сосульки внутри, прямо на каменный пол. Такое бывало и раньше. Но нет. Сегодня капало снаружи. На улице впервые за эту зиму была плюсовая температура. Ура! Интересно, уже можно сказать, что мы перезимовали? Это уже весна или еще нет? Я поднял голову и посмотрел вверх. Над входом в пещеру, под навесом из песчаника, висели сосульки. Огромные. Даже не сосульки, а сосули. Сосулищи! Длиной с копье, а некоторые длиннее. Они свисали вниз, как зубы какого-то дракона, и с каждой

сосульки периодически падала капля: кап, кап, кап. Ударялась о камень у входа и разлеталась мелкими брызгами. Я протянул руку. Капля упала мне на ладонь. Потом еще одна. И еще. Я замер и смотрел на синее небо. Оно было другим. Не зимним, серым, давящим, как бетонная плита, и вгоняющим в депрессию, а чистым, голубым, как на заставке моего компьютера. Разумеется, не здесь, а там, в прошлой жизни. Небо. И солнце. Это, без всякого сомнения, было уже весеннее небо.

Я сделал еще несколько шагов вперед, на выход из-под козырька пещеры. Снег под моими мокасинами был плотным и тяжелым, мокрым. Не легким и воздушным, как пух, в начале зимы. Не рассыпчатым и скрипучим, жестко колючим, как в середине зимы. Он был плотным, тяжелым и липким. Можно было играть в снежки и лепить снежную бабу. Я закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам. Перезимовали. Слава тебе, Господи! Боже, как же приятно было ощущать на моем заросшем лице ласковые теплые солнечные лучи. Еще не жаркие, летние, но все равно уже теплые. Реально ощутимое тепло. Не от костра, не от тарелки с бульоном, не от куска рыбы, зажаренной на углях. Тепло от солнечных лучей. Так вот какая ты — весна, подумал я. Пришла без объявления, без приглашения и разрешения начальства. Просто пришла и сказала: хорош мёрзнуть, братва. Я тут. Добро пожаловать, весна. Мы тебе рады. Я-то уж точно.

Я стоял так минуту, две, пять, зажмурившись и наслажда-

ясь солнечными лучами. За спиной послышался звук шагов. Тяжелый, неравномерный. Я милого узнаю по походке. Грох. Странно. Где он был? В пещере, когда я проснулся, его не видел.

— Холодно, — сказал Грох.

Я открыл глаза и повернулся. Грох стоял у входа в пещеру, кутаясь в свою шкуру, с недовольно насупленным лицом. Гроха иногда трудно понять, спрашивает он или утверждает что-либо.

— Нет, Грох. Не холодно. Тепло. Смотри, какое солнце! — я поднял руку и показал вверх.

Грох подошел ближе, поднял голову и прищурился.

— Солнце… Высоко… — сказал он. — Раньше низко. Теперь высоко. Скоро снег уйдет.

И опять я не смог понять, спрашивает он или констатирует факт.

— Скоро уйдет, Грох. Скоро! — ответил я.

Пусть скорее уходит. Охотиться будет легче, жить будет легче. Появится трава, корешки. Рыбалка, я уверен, станет более продуктивной. Я уже наметил кое-какие действия в этом направлении. Только бы быстрее сошел снег.

Грох ничего не ответил. Но он встал рядом со мной, так же поднял лицо и зажмурился, как и я совсем недавно, подставляя его солнечным лучам. Так мы и стояли еще какое-то время вдвоем: я, бывший менеджер из города Печора, и он, неандертальский охотник. Стояли, как два идиота, и гре-

лись под лучами солнца, которое выполняло свою работу уже миллиарды лет, обогревая вращающуюся вокруг него Землю.

— Сегодня... рыба? — спросил Грох.

— Надеюсь, — ответил я. — Я проверю ловушки. Если лёд позволяет.

— Я... пойду... с тобой.

— У тебя нога болит.

— Всегда... болит. — Грох пожал плечами. — Болеть... будет... если пойду. Будет болеть, если нет. Пойду.

Ну что же. Железная логика. Я не стал спорить. Спорить с Грохом было бесполезно: когда он принимал решение, он его выполнял. Это была одна из тех черт характера, которые я ценил в нём больше всего. В моей прошлой жизни я знал много людей, которые говорили одно, думали другое, а делали третье. Грох говорил мало, думал (я подозревал) ещё меньше, но всегда делал ровно то, что говорил. Прямолинейность на грани упрямства.

— Хорошо, — сказал я. — Пойдём вместе. Но ты не будешь прорубать лёд. Это буду делать я.

— Договорились, — согласился Грох.

* * *

Река была в полутора часах ходьбы от Зимнего дома. Летом это расстояние преодолевалось быстрее, сейчас дольше. Помню, когда мы заманивали «высоких» в ловушку, мы дошли до реки менее чем за час. Но сейчас по тяжелому, мок-

рому снегу в примитивных снегоступах наша скорость передвижения была гораздо ниже.

Грох шел позади меня. Я слышал его тяжелое, с присвистом, дыхание и слышал, как он время от времени останавливался, чтобы передохнуть. За зиму он сильно сдал. Это был уже не тот «энерджайзер», что прошлым летом на одной ноге и самодельном костыле мчался вперед, и тогда я не мог за ним угнаться. Видимо, нога срослась как-то неправильно, и кроме того, что причиняла ему страдания, еще и сильно выматывала. Мне было по-человечески жаль моего первого друга в этом мире, но сегодня он напросился со мной сам, а значит, будет идти. И если я сейчас начну останавливаться, ждать его, снижать темп, он первым отнесется к этому с непониманием. Так здесь принято. Сильные идут вперед. Я, может, и не полноценно сильный в сравнении с другими охотниками племени — сильных они называют «гор», — но уже и не тот Дыанн «кик» (слабый уж или червяк), что был прошлым летом.

К реке мы вышли глубоко за полдень. Не стоит забывать, что первую половину дня я проспал, отдыхая после ночного дежурства у очага. Хотел было сказать, что вышли мы после обеда, но такого понятия, как обед, здесь не было. Зимой река замерзла практически полностью. Остались лишь небольшие полыньи в тех местах, где течение было слишком сильным и со дна били ключи, не давая льду окончательно сомкнуться. Подходить к таким местам было очень-очень

опасно: можно было провалиться, и течение тут же утащило бы тебя под лед. Да и смысла к ним подходить особого не было. Зимой рыба предпочитала держаться более глубоких и спокойных мест, поэтому приходилось прорубать свои полыньи.

Позавчера мы поставили три ловушки вдоль берега, в местах, где глубина была большой, а течение умеренным. Сейчас нам предстояло их проверить. Для того чтобы прорубь с установленной мерёжей не замерзала полностью, мы накрывали её куском старой шкуры и засыпали снегом. Края, конечно, примерзали, но это была ерунда. Первую мережу мы как ни старались, так и не смогли найти. Точнее, мы нашли нашу прорубь, «раскрыли её», но вот верёвки из сыромятной кожи на месте не было. Либо её плохо закрепили, либо умудрились оборвать сейчас, отбивая намерзший по краям шкуры лед, — неизвестно, но её не было. Возможно, она по-прежнему лежала на дне, но проверить это сейчас не представлялось возможным. А вот вторая и третья мережи были на месте. Причём вторая была самой уловистой, и сегодня она была не пуста. Плетение из ивовых прутьев — это мое личное «ноу-хау». Я учился этому целый месяц, и на меня в очередной раз смотрели как на блаженного, но хотя бы не мешали, и на том спасибо. А когда я принес с реки первые трофеи, пойманные с её помощью, — уровень моего авторитета еще немного вырос.

— Жива, — удовлетворенно сказал Грох, доставая ловуш-

ку. — Хорошая… Дан, делатель!

— Кто жива? — не понял я.

— Ловушка, — пояснил Грох, бросив на меня недоуменный взгляд. И действительно, чего непонятного.

— Ясно. Только не жива, а цела, Грох, — поправил я его. — «Жива» не говорят об неодушевлённых предметах.

— О чём? — снова не понял Грох, а я подумал, что слишком долго объяснять сейчас, и, махнув рукой, тоже взялся за веревку, помогая ему вытягивать мережу на лёд. Она была тяжелая и явно непустая.

— Есть! — выдохнул я. — Чувствуешь? Она тяжелая!

Мы потянули вдвоем. Когда подтянули корзину к краю проруби, я ухватил её за прутья и вытащил на лед, сразу оттаскивая от края полыньи и опасно трещавшего под нами льда. В мереже явно кто-то был. Рыба. Одна, но большая, килограмма на три, с серебристой чешуей на боках, тёмной, почти черной спиной и ярко-красными плавниками. Она билась в деревянной клетке, ударяя хвостом по прутьям и разбрасывая во все стороны брызги.

— Одна, — сказал Грох. — Хорошая. Большая.

— Подожди, — сказал я. — Смотри.

Я развернул мережу, заглянул глубже. Под первой рыбой, придавленная её телом, лежала вторая. Поменьше, но тоже солидная, килограмма на полтора.

— Два! — голос Гроха повысился. — Два рыба, Дан! Два!

— Не два, а две, чурка ты нерусская, — со смехом сказал

я, доставая добычу из корзины.

В третьей мерёже тоже было не пусто. Туда заскочила стайка небольших рыбинок, чем-то похожих на хариуса или речную форель, пять штук, грамм по сто пятьдесят — двести каждая. В общей сложности мы получили больше шести килограммов рыбы, и это были просто отличные новости, учитывая тот факт, что с мясом у нас было совсем плохо, а без мереж никакой рыбалки бы сейчас не было. Можно было сказать, что мое изобретение буквально спасало нам жизнь. Всему племени. Вот так. И я не преувеличиваю. Для племени, которое питалось одним зайцем на двадцать человек, это было не просто едой. Это действительно было спасением. Это было праздником. Сигналом от вселенной: «Я знаю, что вам плохо, знаю, что вы голодаете. Вот вам немного помощи. И не благодарите». Но я все равно поблагодарил. Привычно дотронулся до серебряного кольца на своем пальце и проговорил мысленно: «Слава тебе, Господи». Дурь, скажете вы? Может быть. Но мне так было проще. И легче. А если это мне помогает, то почему бы и нет?

Мы высыпали рыбу из последней ловушки на лед и опустили ловушку обратно. Я надеялся, что река не вскроется ото льда так быстро, и мы еще успеем пару раз прийти их проверить. А потом, конечно, чтобы не потерять и эти ловушки, их придется на время снять.

Грох смотрел на рыбу, лежащую на льду, и с его лицом происходило что-то невероятное. Что-то, что я видел у него

считанные разы за время нашего знакомства. Уголки его губ пошли вверх. Он улыбался.

— Два и много рыба, — сказал он. — Много хорошо, Дан!

— Семь штук, Грох. Не так уж и много, — снова поправил его я.

Он, в отличие от всех детей нашего племени, по-прежнему мог считать только до пяти, и его это устраивало. Все, что больше пяти, для него было много. Шесть — много, и тысяча — много. Вот такая логика. Но в чем-то он прав. С точки зрения математики семь — это, конечно, не много, но для выживания нашего племени это была сегодня отличная цифра, особенно учитывая вес рыбин из первой ловушки.

— Пойдём домой, — сказал я. — Мата будет... — я подбирал слово, — ...рада.

— Рада, — согласился он. — Мата... рада. Все... рады. Дан и Грох... принёс... еду. Хороший...

Я сделал петлю из кожаного ремешка, лежащего во внутреннем кармане моей шкуры, и продел её через жабры всех рыбин, чтобы нести одной связкой. Да, к моей шкуре были пришиты два внутренних кармана, еще одно мое ноу-хау, позволяющее взять с собой что-либо необходимое, но при этом оставляющее свободными руки. Рыба была тяжелой, чтобы нести её одной связкой, но я намеренно взял весь вес на себя, чтобы не перегружать Гроха с его больной ногой. Я закинул связку рыб через плечо себе за спину, и мы пошли обратно. Руки мои мерзли, мокасины с привязанными к ним

снегоступами давно промокли, но я улыбался и не обращал на такие мелочи никакого внимания. Я шел, и на моем лице была точно такая же улыбка, какая была совсем недавно на лице Гроха. Много ли надо пещерному человеку для счастья?

Возвращение заняло чуть больше времени, чем путь к реке. Так всегда бывает. Во-первых, накапливается усталость, во-вторых, добавляется вес добычи, а в-третьих, тебе не терпится вернуться домой, и от этого кажется, что времени на дорогу уходит больше. Мы вернулись в зимний дом, когда солнце клонилось к закату. К вечеру похолодало, снова подморозило, и подмокший за день снег на глазах покрывался хрустящей ледяной коркой. Местами она была такой крепкой, что могла выдержать мой вес, не проламываясь, даже без снегоступов. Мой, но не Гроха.

Мата увидела нас первой. Она стояла у очага, ворошила угли и подняла голову, когда мы вошли. Она увидела связку рыбы, которую я уже держал в руке; глаза её расширились.

— Рыба? — недоверчиво спросила она.

— Семь! — гордо объявил я. — Семь рыб, Мата! Готовь ужин!

— Много! — поправил меня Грох. — Много рыба! Хорошо!

Я протянул ей связку, она отложила в сторону палку, которой ворошила угли, взяла рыбу, рассмотрела, понюхала.

— Хорошая, — сказала она. — Хорошая рыба. Жирная.

Много... мяса. — После повернулась в ту часть пещеры, где находились остальные, и крикнула: — Еда! Рыба! Грох и Дан принесли! Много!

Пещера ожила. Первыми подбежали дети. Прыгун, Щур и Чир окружили Мату, толкаясь и споря, начали наперебой пересчитывать наш с Грохом улов. У кого-то получалось шесть, у кого-то девять… Но сейчас они все сошлись на том, что это тоже «много». Потом подошел Молот. Он с еще парой охотников вернулся незадолго перед нами. Их охота сегодня была неудачной, и это делало наш улов еще более ценным. Он посмотрел на Мату, потом на рыбу в её руках, потом на меня с Грохом и снова на рыбу.

— Три, — констатировал он. — Много три. — Математика была не самой сильной его стороной.

— Много, — согласился я.

— Хорошо, сделал.

А то! — подумал я. Лиха беда начало. Подождите, братцы-кролики. Вот я еще научу вас силки на зайца ставить, тогда вообще заживем. Надо, правда, сперва будет самому научиться. Кое-какие отрывочные знания у меня были, но теория в отрыве от практики не работает. У меня и с мережей не все сразу получилось. Первая рассыпалась в воде, две следующие были более крепкие, но конструкция была неудачной, и, по-видимому, рыба выходила из них так же легко, как и заходила внутрь. Но в конце концов я доработал форму до той, которая сейчас фактически спасает племя от голода.

Из дальнего угла пещеры вышел Старый. Он опирался на палку, которую начал использовать совсем недавно. Раньше он отказывался от любой поддержки, но зима брала свое.

— Рыба, — сказал он. — Дан и Грох... принесли. Хорошо. Еда... есть. Сегодня... сыты. Завтра... посмотрим.

Это была его типичная речь. Он редко выражал эмоции. Скорее просто констатировал факт. Закреплял событие. Как будто делал запись в какой-то невидимый «бортовой журнал» своей головы. И кстати, он все помнил, ничего не забывал. Память у него была отличная. Я уверен, что если потребуется, он с легкостью скажет, кто ходил на охоту в день после сильного снегопада два месяца назад, кого добыл, во сколько вернулись, чем занимались в этот день остальные члены племени.

Мата занялась готовкой рыбы. Крупную она решила пожарить на вертеле, предварительно выпотрошив, отрезав головы и плавники. Печень и икру, бывшую в самой крупной рыбине, тут же отдала крутившимся рядом детям, которые мгновенно съели её сырой. Вся мелочь отправилась в «котел» вместе с головами и плавниками, отрезанными от больших рыб. Это будет уха. Практически безотходное производство.

Скоро ужин был готов. Получив свою порцию, я уселся у дальней стены, рядом с Грохом, на своей постели из мха и можжевельника, которую смастерил еще в начале зимы. Точнее, сперва это был мох и еловый лапник, но позже я модер-

низировал свое ложе.

— Хорошо, — сказал Грох. — Сыты.

— Хотя бы сегодня, — согласился я.

Я закрыл глаза и почувствовал, как напряжение, давившее на меня с самого утра, после обнаружения исчезновения мяса, отпускает. «А жизнь-то, похоже, налаживается», — усмехнулся я. Много ли для счастья надо? Теплая комфортабельная пещера, мягкая постель, да хороший кусок жареной рыбы на ужин. Кусок мне Мата, кстати, дала на этот раз не меньший, чем остальным охотникам. Справедливость была восстановлена. Для полного счастья не хватало разве что бокальчика прохладного пива. Шучу. Алкоголь вредит здоровью. На самом деле, единственное, с чем я так и не смог до сих пор здесь свыкнуться, — это отсутствие соли. Такое ощущение, что остальные совершенно не страдали от её отсутствия. И неудивительно. Они же просто пока не знают, что это такое. И тут я в очередной раз задумался. Хорошо, сейчас соли нет. Точнее, где-то она есть, просто пока не используется человечеством. Ладно, не человечеством, а конкретно этим племенем. Но ведь когда-то она все равно войдет в наш обиход, и не только как вкусовая приправа, но и как прекрасное средство консервации. Так почему бы мне не быть тем, кто сделает этот шаг в развитии? Паровой двигатель изобрести я не могу, но способ длительного хранения мяса и рыбы посредством засаливания — это запросто. Помнится, дед что-то рассказывал про это. Кажется, организму

жителей каменного века она была просто не нужна, потому что они получали необходимое количество натрия, употребляя сырое мясо. И необходимость начала появляться только при переходе от жизни охотников-собирателей к оседлой жизни и занятием земледелием, а это еще будет ох как нескоро. Судя по горящей по ночам на небосклоне Веге, тысяч через тридцать лет, не раньше. Могу и не дожить. Значит, нужно будет внести свои изменения и в этот порядок вещей. А что? Получилось же у меня с планированием запаса дров, еды и с плетением ловушек для рыбы.

Глава 3

На следующий день я пошел проверять мережи один. Сразу с утра, не дожидаясь завтрака. Нога Гроха выглядела неважно, и он остался в пещере. Судя по тому, что он даже не стал спорить со мной, дело действительно было плохо. Старый хотел дать мне в помощь еще кого-нибудь из охотников, но я сказал, что справлюсь сам. Я шел вдоль скалистого выступа к берегу реки, мимо места, где мы устроили обвал в начале зимы, а потом вниз по течению, к тому месту, где были установлены две оставшиеся ловушки. К сожалению, сегодня обе оказались пустыми, но я не сильно расстроился. Еще по прошлой жизни я помнил, что рыба клюет вчера и завтра, а рыбалка — это лотерея. Сегодня не повезло. Оценив толщину и крепость льда, я перезабросил ловушки снова, в надежде, что они ещё порадуют нас до того момента, как по реке пойдет лед, и собирался было возвращаться, но передумал. Солнце поднималось над соснами, растущими на противоположном берегу, снег продолжал таять, и воздух был наполнен новыми запахами. Не запахом дыма, не запахом дерева, даже не запахом человеческого пота, концентрация которого, например, в пещере была такой, что могла бы убить лошадь быстрее капли никотина. Пахло, как говорят поэты и романтики, весной. Влажной землей, талым снегом, прошлогодней травой, которая уже выступала кое-где

на пригорках сильнее других мест, прогреваемых солнцем. Я постоял и пошел обратно. Я шел и дышал. Просто дышал. Глубоко, полной грудью, с удовольствием человека, который провел четыре месяца в душном помещении и наконец-то выбрался на свежий воздух.

А потом я учуял что-то ещё. Запах был резким, неприятным. Пахло чем-то знакомым, но непонятным. Кровью, экскрементами и как будто хищником. Еще пахло мертвой плотью. Я не знаю, как охарактеризовать этот запах для вас. Неандерталец сказал бы, что пахло «Уркхх», но боюсь, это ни о чем вам не скажет. Я остановился. Принюхался. Посмотрел направо. Запах шел оттуда, из-за поворота реки, из-под подмытого берега, где выступающие корни старых лиственниц, вымытые водой прошлых половодий, создали искусственные навесы. Слишком низкие, правда, чтобы так мог разместиться человек. Запах усилился. Он был резким, неприятным, перебивающим все остальные. Я был один, из оружия лишь каменный нож на поясе да небольшая острога, и инстинкт самосохранения кричал мне: уходи, но я пошел дальше. Сейчас не могу сказать зачем. Возможно, просто из любопытства. Хотя, если не врут, любопытство сгубило кошку.

Берег здесь был завален ветками, камнями и висящими в воздухе изогнутыми частями корней. Подходы к нему густо заросли камышом. Или рогозом (неважно). Запах становился сильнее. Еще сильнее. Еще… Я вышел из зарослей рого-

за и подошел к береговому отвесу вплотную. В центре замеченного мною издали участка, отгороженного от воды валунами и упавшим деревом, зиял вход в нору. Но запах шел не оттуда. Пространство рядом с норой было хорошо утоптано мощными лапами и усыпано клочьями шерсти, пометом и костями мелких животных — может, зайцев, а может, кого-то еще. А правее лежали их тела. Три, и еще одно, четвертое, чуть дальше. И запах шел именно оттуда. Волки. Тела волков. Точнее, всё, что от них осталось.

Я подошел ближе. Судя по запаху, трагедия произошла не сегодня и даже не вчера. Волки были убиты много дней назад, и если бы не пригревающее второй день солнце, я так и прошел бы мимо. Скорее всего, все случилось не очень давно, потому что иначе они бы были еще под снегом. Первая волчица лежала на боку, голова её была неестественно вывернута. Брюхо разодрано, внутренности выедены лисами или гиенами. Я знал эту стаю. Наше племя, если можно так выразиться, соблюдало с ними нейтралитет. Они не трогали нас, а мы не трогали их. Не могу поручиться, что они не напали бы, окажись кто-то из нас тут один, ночью и раненый, но факт остается фактом. До сегодняшнего дня нападений волков на людей племени ни разу не было. А теперь уже и не будет. Жаль, что я не обнаружил их раньше. Волчья шкура — это отличный трофей. Мы не убивали волков, но теперь ничего не мешало мне забрать то, что им уже не принадлежало. Хорошо, что тепло стоит только второй день, а по ночам

подмораживает. Следов явного разложения еще нет, а запах — это прокисшая кровь и остатки внутренностей, которыми лакомились падальщики. Да и шкуры они все же прилично попортили. Но все равно их стоит снять.

Туша второго волка лежала шагах в пяти от первого. Она была буквально раздавлена. Это было единственное слово, которое приходило мне в голову при взгляде на нее. Тело сплющено, кости сломаны, грудная клетка вдавлена внутрь, как будто он попал под механический пресс, или на него наступил великан. Или…

С остальными было примерно то же самое. Я обошел и осмотрел тела еще раз. Не было ни ран от зубов, ни следов копий или стрел. Все выглядело так, как будто гигантская рука схватила волка и смяла, как пустую пивную банку. Да, тело третьего волка выглядело так же. Я стоял среди мертвых волков и пытался понять, что же произошло. Что это было? Медведь? Медведи могли так атаковать — встать на задние лапы и упасть на жертву всем весом. Но медведь оставил бы и другие следы: рваные раны от когтей на шкуре, следы укусов, следы лап на снегу. Здесь ничего этого не было. Только уничтоженные тела волчьей семьи. Да и медведи зимой спят. В мое время точно. Не знаю, может, сейчас как-то иначе. Интересно, а сколько было волков в этой семье? Все ли погибли, или, может быть, кто-то сейчас наблюдает за мной и выбирает благоприятный момент для прыжка? Я нервно огляделся, но ничего опасного не увидел.

Я еще раз осмотрелся и увидел следы того, что убило волков. Они были странными. Широкими. Шире, чем медвежьи. Зверь был пятипалым, но пальцы были… как бы это сказать… неправильными. Слишком короткими и слишком толстыми. Расставлены широко. И шаг… Он был слишком коротким для такого размера следа. Что-то приземистое. Мощное. Тяжелое. Я не знал, кто это. Я никогда не видел таких следов и не знал животных, которые бы их оставляли. Замечательно, подумал я. Добавляем в список угроз неизвестное чудовище, которое давит волков как тараканов. Просто чудесно. Я сделал еще круг, внимательно рассматривая следы. Было похоже, что это нечто сделало свое черное дело и ушло. В сторону леса. Туда, где виднелись густые заросли кустарника и молодой ельник. Оно не стало их есть. Оно не охотилось. Значит, они не были его пищей. Что же тогда? Оно защищалось? Хм… Вполне возможно.

Я не собирался идти туда. Я, конечно, был сумасшедшим, но не до такой степени. Я вернулся к норе. Нужно было снимать уцелевшие остатки шкур с туш волков, пока они не начали разлагаться, но я стоял у входа и смотрел в темноту. Изнутри шел неприятный запах. Кислый, затхлый, запах отходов жизнеятельности и… запах жизни. Да, именно так. Звучит несколько пафосно, но я не могу сейчас дать более точного определения.

Я подошел вплотную к норе и прислушался. Сперва я ничего не услышал, но потом мне показалось, что я слышу ка-

кой-то писк. Именно показалось. Я не могу с уверенностью сказать, что я его услышал. Я придвинулся еще ближе, замер, затаил дыхание и весь обратился в слух. Нет, мне не показалось. Теперь я точно услышал писк. Высокий. Тонкий. Жалобный. Очень знакомый мне писк. Инстинкт подсказывал мне, что нужно поскорее уносить ноги, потому что оставался какой-то процент вероятности, что погибла не вся семья, и если сейчас поблизости появится кто-то из уцелевших волков, то мне конец. Детёнышей они будут защищать, наплевав на все. Но в то же самое время, как будто чертенок сидел у меня на плече и подначивал: «Загляни! Загляни в пещеру. Ну же! Интересно же узнать, кто там?» Я встал на четвереньки и полез в глубину пещеры. Да, запах здесь, в непроветриваемом помещении, и правда был омерзительный. А немного погодя я обнаружил и источник запаха. Свет почти не проникал сюда — только слабый отсвет от входа, который уже был от меня метрах в пяти или шести. Я видел впереди что-то тёмное, расплывчатое, и двигался к этому пятну, ориентируясь на звук. Писк теперь был прямо передо мной. Громкий. Настойчивый. Я протянул руку. Мои пальцы коснулись чего-то тёплого. Мягкого. Шерстистого.

Последняя волчица лежала здесь, внутри, и была еще жива. Точнее, это состояние можно было только назвать жизнью. Судя по всему, она тоже была ранена и обессилена. Она была при смерти. Кажется, у неё тоже была раздавлена грудная клетка, потому что периодически она пыталась

вдохнуть, но получалось у неё очень плохо. А рядом с нею находились маленькие волчата. Два мертвых, а один живой. Именно он и скулил, издавая тот писк, который я случайно услышал с улицы. Он снова и снова пытался присосаться к груди матери, но, видимо, молока там уже давно не было. Я думаю, что два других волчонка умерли от голода, да и этот третий оставался жив чудом. Скорее всего, мать, выжившая после схватки с неведомым хищником, из последних сил приползла сюда, к своим детям, и сколько могла, подкармливала их молоком. Но так как сама ничего не ела, молоко у неё скоро закончилось, и щенки умерли с голода. Двое. Но остался один. Она его спасла ценой своей жизни. Вот такая примерно картина сложилась у меня в голове. Не знаю, насколько она соответствует истине, но мне она показалась вполне логичной. Нисколько не думая, я протянул руку и аккуратно взял волчонка на руки. Зрачок матери проследил за движением моих рук, но сил даже чтобы зарычать у неё уже не было. Максимум, что она смогла сделать, это слегка ощериться, показав мне клыки. А потом вдруг судорожно и резко вздохнула полной грудью и медленно выдохнула. Глаза её закрылись, тело расслабилось. Она умерла. И эта смерть окончательно уверила меня в решении забрать волчонка с собой. Забрать и выходить. Не ради забавы, не для того чтобы съесть или снять шкуру на рукавички. Получалось так, что она передала мне его. Вольно или невольно, но доверила. Она лежала здесь, держась из последних сил,

неизвестно сколько времени, и ждала меня. Как я мог поступить иначе?

Прижав волчонка к груди, я стал аккуратно выбираться обратно. Черт с ними. Черт с ними со всеми. Я и сам сюда попал семь или восемь месяцев назад. Выжил сам. Спас Гроха. Что я еще не делал в этом мире? Правильно. Не приручал дикого хищника. Ну что здесь может пойти не так? Да и не воспринимал я тогда волчонка как зверя. Это было дитя. Дитя, которое не выбирало, кем родиться. Дитя, которое просто хотело жить и в данный момент очень, очень страдало. Я думаю, что даже сильнее, чем я, в те времена, когда попал сюда. Сейчас не помню точно, в каком именно пункте между захватом мира и выживанием стоял пункт приручить дикую собаку, но он там должен быть, в любом случае. Хорошо, пусть не собаку, а волка. Плевать. Я прижал одной рукой к своей груди дрожащий шерстяной комок и осторожно, пятясь задом, выбрался из волчьего логова.

Я выбрался из норы, встал с колен, поднял свою находку вверх и наконец-то смог рассмотреть. Это была девочка. Волчица. Уже не слепая, но еще достаточно маленькая. Худенькая и очень ослабшая. Шерсть грязно-серая, с бурым подпушком. Размером с большую рукавицу или варежку. Варежка неожиданно зарычала и попыталась цапнуть меня за палец, но укус вышел слишком слабым, чтобы причинить мне хоть какой-то вред. Ого. А варежка-то у нас, оказывается, боевая! Она смотрела на меня. Смотрела и продолжала

рычать, дрожа при этом то ли от холода, то ли от страха. Она потеряла все. Мать. Братьев и сестер, дом, тепло, еду, безопасность. И в этот момент я отчетливо понял, что на ближайшее время матерью у неё будет Новосельцев. Тьфу, то есть я. И я сам, подобно дикому волку, вцеплюсь в горло любому, кто попробует её обидеть. Грох, Молот, все равно. Да хоть пещерный лев. С пещерным львом, конечно, перебор, но для красивого словца пусть будет.

— Ну, привет, — сказал я ей. — Выглядишь неважно. Но это не беда.

Естественно, она ничего мне не ответила, но перестала рычать и пищать, когда я прижал её к груди и закрыл шкурой. Тело её было теплым. Точнее, оно стало теплым, попав в уютное замкнутое пространство. Она прижалась носом к моей груди, забилась подмышку, туда, где было уютнее всего, и затихла. Не потому что сразу доверилась мне. Нет. А потому что была слишком слаба, голодна и испуганна, и потому, что инстинкт говорил ей на её волчьем языке: «Тепло — это жизнь. Холод — это смерть. Выбирай тепло». Она выбрала тепло. А я выбрал её.

«Отлично, Данила», — думал я, возвращаясь домой и ощущая, как маленькое теплое тельце шевелится у меня под шкурой. — Теперь у тебя есть волк. Именно этого тебе не хватало для полного счастья. Племя и так смотрит на тебя с недоверием, а теперь будет смотреть как на сумасшедшего, который приносит в свой дом волков. Прекрасно. Просто

прекрасно».

Первой, кого я увидел, когда подошел к пещере, была Мата. Она собирала снег. Видимо, чтобы растопить его. Её глаза встретились с моими, потом опустились ниже, туда, откуда торчал клок серой шерсти, и медленно расширились.

— Что… это? — спросила она.

Я ответил не сразу. Подошел поближе и распахнул полу шкуры, открывая взору Маты мою питомицу.

— Волк, — сказал я. — Волчица. Маленькая.

— Маленькая, — согласилась со мной Мата. — Очень маленькая. Мясо мало, шкура мало. Плохо, маленькая.

— Это не еда! — повысил я голос. — Это… друг!

— Друг, — не поняла Мата. — Дыанн, это не друг, это маленький волк. Ты что, совсем кик на голову?

— Сама ты… не совсем здоровая. — Я спрятал волчонка обратно под шкуру и прошел в пещеру.

Там я первым делом подошел к Старому Зубру и рассказал ему все, что видел. Старый слушал внимательно. Не спорил. Не перебивал. Дождался, пока я закончу рассказ, и только тогда начал задавать уточняющие вопросы.

— Рыба? — спросил он в первую очередь, совсем не о том, о чем я ожидал. В этом был весь вождь. В первую очередь его интересовало пропитание для племени, а уже потом все остальное.

— Рыбы нет, — покачал я головой. — Ловушки пустые. Я поставил их снова, завтра проверю еще раз.

Старый удовлетворенно кивнул.

— Волки? Мясо, шкуры?

— Шкуры попорчены, но есть что взять. Мясо тоже. Было холодно, и оно не испортилось. Но немного поедено гиенами.

При этих моих словах брови Старого удивленно поползли вверх.

— Гиенами? — переспросил он недоверчиво.

— Да, думаю, что гиенами, шакалами или еще какими-нибудь лисами. Я не разбираюсь. Они выели все внутренности и местами обглодали тела, но мясо еще есть.

— Не гиенами, — усмехнулся Старый. — Не лисами, не шакалами. Если бы пришли гиены, то ты не нашел бы ни остатков тех волков, ни этого маленького, — кивнул он на «варежку», которую я по-прежнему прижимал к груди. — Это водяные крысы.

Тут же Старый повернулся к Молоту и дал команду всем свободным охотникам срочно выдвинуться к волчьему логову и подобрать все, что еще возможно спасти, пока крысы все не растащили. Потом он снова повернулся ко мне.

— Ты сказал: «не еда», — повторил он, кивая на волчонка.— Почему?

— Не еда, потому что друг.

— Никогда волк не будет друг. Я знаю, что говорю. Акту из племени Носорога ловил волка. Месяц держал взаперти, а потом тот все равно убегал в лес, но сперва перегрызал Акту

горло… впрочем… Этот маленький. Не перегрызет. Просто уйдет… когда сможет. Хорошо. Оставляй. Кормить будешь сам.

— Спасибо, Старый, — поклонился я вождю и пошел на свое место.

Молот, который собирался уже выходить из пещеры по команде Старого, подошел ко мне и встал напротив, молча глядя на меня и на прижатый к груди комок шерсти.

— Волк, — наконец сказал он, кивая на моего питомца. — Ты… принёс… волка… в пещеру.

— Она умирала, — ответил я. — Её мать мертва. Она осталась одна. Маленькая.

— Пусть... умирает, — сказал Молот. — Волк — враг. Ест... детей. Убивает... людей. Ты... принёс... врага. Почему?

— Потому что она не враг, — ответил я. — Она — дитя. Дитя без матери. Как мы были бы без Маты?

— А те, что лежат там? Большие? — спросил Молот.

— У логова три взрослых волка и еще одна волчица в самом логове.

— Если там никого не будет, — проговорил Молот, — то я приду и съем этого волка.

— Нет. Не съешь! Старый сказал — он мой.

Молот повернулся и посмотрел на Старого, безучастно наблюдавшего за нашим диалогом. Поймав взгляд охотника, тот медленно кивнул. Молот разочарованно выдохнул. Слово старейшины племени было законом. Даже вот такое, на

его взгляд, нелепое.

— Ты... чужой, Дыанн, — сказал он мне, намеренно коверкая мое имя. — Ты... делаешь... странные вещи. Сначала... мясо... пропало. Теперь — волк. Ты... приносишь... беду.

— Я не брал мясо! — резко ответил я. — Это сделал не я, и я не знаю, кто. Я не вор и не враг. И не чужой. Этот волк умрет без меня. Я спасаю. Как спасал Гроха.

Я повернулся, ища его взглядом. Он сидел на своем месте у дальней стены пещеры. Ноги вытянуты перед собой. На лице гримаса боли. Нога болела так сильно, что Грох даже не пытался это скрыть.

Грох медленно подтянул под себя ноги и встал. Даже это действие сегодня далось ему с трудом. Сначала он оперся двумя руками о свою лежанку, потом выпрямил спину, подтянул под себя здоровую ногу, потом вторую, едва гнущуюся. Наконец он выпрямился и так же медленно, как вставал, подошел ко мне. Он подошел близко. Вплотную. Посмотрел мне в глаза, потом посмотрел на волчонка. А щенок высунулся из моей шкуры совсем немного и посмотрел в ответ на него. Грох медленно протянул руку, положил её на голову щенка и аккуратно провел пальцами по голове, между ушами. Удивительно, но на этот раз варежка не зарычала и не попыталась укусить протянутую руку. Под его рукой она казалась ещё меньшей. Практически игрушкой.

— Маленькая, — сказал Грох.

Он поднял голову и посмотрел на Молота. Потом перевел взгляд на остальных. На вернувшуюся Мату, на Старого, на детей, с любопытством выглядывающих из-за спин матерей и пока не решавшихся подойти поближе и рассмотреть нового члена племени, хотя я по глазам видел, как им этого хотелось.

— Дан спасает слабых, — сказал Грох. Голос его был негромким и сиплым. — Он… такой. Я… знаю. Я сам был слабым… Дан спас меня. Теперь он спасет его. — Палец Гроха указал на волчонка.

— Волк... вырастет. Станет... сильной. Или... нет. Если... плохая — убьём. Если... хорошая — останется. Дан... отвечает. Если... она... кусает — Дан... виноват. Если... она... ест... — Дан... кормит. Дан... понял?

Я кивнул.

— Я понял, Грох. Спасибо тебе.

Грох кивнул мне в ответ и снова повернулся к Молоту.

— Ты... сильный, — сказал он. — Но... Дан... умный. Умный... тоже... сила. Другая... сила. Вы... нужны... оба. Не... драться. Жить.

Закончив свою проникновенную речь, Грох так же медленно развернулся и пошел обратно к своей лежанке. В пещере на какое-то время воцарилась тишина. Молот посмотрел на меня, потом на Гроха, потом на щенка на моей груди, но ничего не сказал. Но по взгляду я понял, что он не согласился ни с доводами Гроха, ни с моими, но раз Старый ска-

зал, то он подчинится. После этого он развернулся и быстро пошел на выход из пещеры, туда, где его уже ждали другие охотники, чтобы пойти к волчьему логову.

На время можно было выдохнуть. Я понимал, что это лишь первые трудности, и далеко не последние. Но сегодняшний бой мы с «Варежкой» вроде выиграли. Ко мне подошла Мата. Посмотрела на меня, потом на волчонка, снова на меня и опять на него.

— Ей надо поесть, — наконец сказала она. — Маленькая, голодная. Покорми.

Легко сказать — покорми. Чем? Завтрак я и сам пропустил в надежде вернуться с рыбой, но вернулся без рыбы и с дополнительным ртом. Да и что едят волчата такого возраста? И какой, интересно, у неё возраст? Явно уже не новорожденная, глазки открылись, и даже какие-то молочные зубки присутствуют. А может, это только котята рождаются слепыми, а щенки сразу зрячими? Да… Надо признаться, об этом я не знал. Она лежала у меня на руках, такая маленькая, такая беспомощная. Шерсть высохла, и теперь она выглядела как мохнатый комочек серого пуха с носиком и ушками. Варя. Я решил, что назову её Варварой. Почему так? Ну потому что: «боевая варежка» — Варвара — Варя.

Она открыла глаза. Они были янтарными. Светло-желтыми, с черными зрачками посередине. Глаза хищника, который еще не знал, что он хищник, но уже носил в себе эту генетически заложенную программу. Я не смогу научить её

всему тому, чему должна была научить её мать или стая. Я пока вообще не уверен, что у меня получится приручить и научить чему-то волка. Все-таки это не собака, у которой на протяжении тысяч лет генетически закладывалось подчинение человеку. Но я попробую. Я должен был её спасти. Если у меня не выйдет, то совесть моя будет чиста. Я хотя бы попытался. Она смотрела на меня. Долго, внимательно. С каким-то выражением, понять которое я не мог, а потом положила голову мне на ладонь и закрыла глаза. Не думаю, что она сделала это потому, что начала доверять мне или привязалась. Она просто устала. Оголодала и обессилила. Так сильно устала, что просто «сдалась». В общем, животину срочно надо накормить. Но сейчас она уснула.

Где-то в пещере заплакал ребенок. Я слышал, как мать успокаивала его. Мата, как обычно, колдовала у очага, а Грох лежал на своей лежанке и, не знаю… возможно, спал.

Обычный день в зимнем доме, если не считать того, что у меня на руках спала волчица.

Она проснулась через какое-то время, когда уже вернулись посланные Старым охотники и принесли большое количество мяса и куски шкур, оставшиеся от волков. Если вы думаете, что неандертальцы побрезговали и не стали бы употреблять в пищу волчатину, то вы глубоко заблуждаетесь. Знаю, что многим неприятно это читать, но напомню, что собака является деликатесом в Корее, а волк — это по сути та же собака. Что же касается неандертальцев, то это был

универсальный хищник, практически всеядный, готовый сожрать все, что не приколочено. А то, что приколочено, оторвать и тоже сожрать. Возможно, они не стали бы есть падаль, но здесь звери умерли не от болезни, а были убиты, да и холодное время года позволило сохраниться мясу в целости. В общем, сегодня в пещере был настоящий праздник. И снова, отчасти, в этом была моя заслуга. Пусть принесли мясо Молот с другими охотниками, но обнаружил-то его я! Закрывая тему кулинарии и пищевых пристрастий, вынужден сказать также, что от Гроха я узнал, что племена неандертальцев не чурались и каннибализма. Правда, происходило это крайне редко, и в пищу шли только особи враждебных племен. Ну и то не всегда. Сам Грох, например, не пробовал человеческое мясо ни разу. Но не потому, что отказался, а просто не было повода и причины. А так, да… Редко, но бывает. И если к мысли о том, что всё четвероногое — это наша пища, я уже как-то привык, то пробовать блюдо из существа, которое перед этим кидало в тебя копье, мне по-прежнему совсем не хотелось.

Но мне кажется, что мы отвлеклись. Итак, Варвара проснулась через несколько часов, когда на улице уже темнело, а в пещере единственным источником света был свет, отбрасываемый горящими кострами. Первое, что она сделала — это запищала. Громко, настойчиво. С интонацией, которая не оставляла сомнений: «Я голодна, накорми меня, прямо сейчас, я не шучу».

Глава 4

«Надо кормить», — подумал я. Мата с помощницами уже вовсю колдовали над принесенной Молотом добычей, отделяя мясо волков от шкур. Я подошел к ним и попросил небольшой кусочек мяса. Мата посмотрела неодобрительно, но все же протянула мне немного мякоти. Она помнила о том, что сказал Старый: щенка кормить я буду сам из своей доли, но сейчас требовалось так мало, что она пренебрегла этим распоряжением. Я взял протянутую мне порцию и, вернувшись на место, сунул мясо под нос волчонку. Он ткнулся в него носом, понюхал и не стал есть. И дело тут было совсем не в том, что волк никогда не будет есть волчатину или что она учуяла родной запах. Нет. Законы выживания диктовали несколько другое поведение, и нормы морали сильно отличались от сегодняшних. Все было гораздо проще. Она просто пока еще не могла. Не умела грызть и глотать сырое жилистое мясо. Ей нужно было помочь.

И только я задумался о том, как лучше всего приготовить фарш для корма этой бедняги, как произошло событие, которого я никак не ожидал.

К нам подошла Ита (на местном её имя означало «трава»), одна из родивших этой зимой молодых мамочек, и протянула мне выдолбленную деревянную плошку, примерно наполовину наполненную молоком. Своим молоком! Я смотрел

на неё и не мог поверить своим глазам. Она сама, без каких-либо просьб с моей стороны, поняла, что сейчас больше всего требуется моей питомице, и сама решила поделиться тем, от чего зависела жизнь её ребенка. Материнский инстинкт в ней сработал или ещё какое-то чувство — я не знаю, но я с благодарностью взял протянутую плошку и поднес её под нос мохнатого недоразумения. Варвара ткнулась носом в молоко, намочив его, облизнулась, распробовала и тут же принялась жадно лакать. А я подумал: какой же я дебил. Ведь кроме того, что щенок хотел есть, он наверняка не меньше хотел и пить, а я не догадался предложить ему даже воды.

Количество молока в плошке стремительно уменьшалось, и тут мне пришла в голову еще одна мысль. Не обращая внимания на недовольное ворчание, я забрал у Варвары недоеденный ужин и, вспомнив анекдот про то, как чукчи делают фарш для пельменей, принялся тщательно пережёвывать отданное мне Матой мясо.

Хорошенько разжевав его до состояния однородной массы, я сплюнул получившийся фарш в остатки молока и, тщательно перемешав, нанес часть получившейся кашицы на палец и поднес к носу «ребенка». Варвара понюхала мой палец и вцепилась в него своими крохотными, но уже очень острыми зубками.

— Ай, — вскрикнул я от неожиданности. — Спасибо, милая, но еда не это, а то, что на пальце.

Я не отдёрнул руку. Вместо этого я поднёс палец снова. Снова с кашицей на кончике. Она понюхала. Облизала. Распробовала вкус и начала есть. Язычок её был маленьким, шершавым, горячим. Она вылизывала кашицу с моего пальца, заглатывала и снова тянулась за добавкой. Снова. И снова. Пока кашица на пальце не закончилась.

Раскрыв ей пасть другой рукой, я положил то, что было на пальце, ей в рот. Она пожевала, пожевала и проглотила. Я повторил это действие пару раз, а затем, увидев, что в таком виде пищу принимать у неё уже получается, снова пододвинул к морде плошку с «кормом». Все получилось как нельзя лучше. Она сперва попробовала лакать полученное «пюре», но, поняв, что не получится, очень быстро перестроилась и начала его есть. Вот вам, госпожа Варвара, и первое, и второе.

— Вот так, — сказал я тихо. — Видишь? Я не враг. Я — тот, кто кормит. Запомни это лицо. Оно будет кормить тебя ещё много раз. Если ты не будешь меня кусать.

Она, конечно, ни слова не поняла, но мне нужно было, чтобы она запоминала мой голос и интонацию. Собаки на самом деле действуют в основном на рефлексах и инстинктах, а волк — это та же собака.

— Запомни, тебя зовут Варвара, а меня Дан. Теперь ты живешь в племени людей. Это такие же стайные существа, как волки, но более кожаные, и ходят на двух ногах. Здесь тебя никто не обидит. Я прослежу за этим, а если ты будешь

меня слушаться, то и еда, и теплый угол у тебя будут всегда.

Варвара ничего мне не ответила, во-первых, потому что не умела говорить, а во-вторых, потому что уже спала.

Ночью я сидел на своем месте, прямо на лежанке, с маленькой волчицей на коленях, слушал ночные звуки зимнего дома и много думал. Сегодня было не мое дежурство, но мне не спалось. Слишком много событий произошло за прошедшие два дня. И даже столь редкая в последнее время сытость не помогала заснуть. А сытость действительно была. Молот с охотниками принесли очень много мяса. Нет, это, конечно, не зубр и даже не олень, но это и не заяц или тощая куропатка. Сегодня вечером у нас был поистине королевский ужин.

«Счастье подкралось неожиданно», — думал я. В виде серого комочка размером не больше кота, кусающегося и рычащего, который, возможно, вырастет и съест меня. А если он съест не меня, а кого-то другого, то впоследствии меня съест Молот, Старый и все племя. Может, и Гроху что-то перепадет. В общем, жизнь хороша, и перспективы радуют.

Уснул я, наверное, за полночь, по традиции прикоснувшись к своему кольцу на пальце и попросив высшую силу, забросившую меня сюда, помочь мне пройти и это испытание. Завтра будет новый день. Будут новые проблемы и новые способы их решения. Я уже не был тем Данилой, который попал в этот мир восемь или девять месяцев назад. Тот Данила умер в тот день, когда своими руками помог приготовить ловушку, погубившую моих прямых предков. Новый

Данила учился мыслить, как племя, жить одним днем и решать проблемы по мере их поступления. Не всегда и не во всем это получалось. Какие-то моменты с планированием я, наоборот, пытался внедрить здесь, но вот само отношение к происходящему… Да, этому стоило поучиться у неандертальцев.

* * *

Прошло три дня. За эти три дня Варвара слегка изменилась. Естественно, не внешность. А поведение. Да и племя начало понемногу к ней привыкать. Я кормил её рыбным и мясным фаршем и иногда молоком. Молоко мне по-прежнему давала Ита. Немного, но и за это я был весьма благодарен ей. Ночью Варька спала у меня под боком, а днем, кроме тех моментов, когда она находилась у меня за пазухой, не отходила от меня ни на шаг. Видимо, считая меня своим родителем. Спала она много, а двигалась мало, видимо потому, что была сильно ослаблена. В первый день она вообще с трудом вставала на лапы. Шаталась, как пьяный матрос, падала и снова пыталась встать. На второй день дело пошло лучше, а на третий она уже бегала за мной хвостиком, не отставая ни на шаг.

Сил у неё, впрочем, было еще немного, потому надолго её не хватало, и я старался не перегружать ослабшие волчьи лапы. Естественно, самое большое любопытство с первого дня проявляли к ней дети. В первый и второй день они лишь глазели издали, не решаясь подойти, а вот на третий день Пры-

гун — самый смелый, самый быстрый, любопытный и по-хорошему наглый — подошел ко мне под вечер, когда «Варежка» сидела у меня на коленях, и посмотрел на неё так, как будто увидел чудо.

— Можно? — робко спросил он.

Я кивнул. Он аккуратно протянул вперед руку и остановился в нерешительности. Варвара повернула к нему голову, понюхала, лизнула и не укусила. Тогда Прыгун, осмелев, положил руку ей на спину, но тут же боевая Варежка предостерегающе зарычала. Мальчишка тут же одернул руку и спрятал её за спину.

— Мягкая, — восторженно сказал он, и лицо его как будто засветилось изнутри. — Теплая. Она как… как….

— Как щенок, — подсказал я, улыбнувшись.

Он не мог подобрать подходящего эпитета, потому что его переполняли эмоции. Он только что потрогал живого волка! Настоящего волка! Ну и что, что маленького, это не важно. Щур и Чир теперь умрут от зависти, потому что они не пошли с ним, побоялись. А он не трус.

— Щенок, — повторил Прыгун. — А щенок вырастет большая?

— Вырастет. Очень большая.

— Она будет… кусаться? — спросил он наконец.

— Нет. Я надеюсь, что нет. — Я и правда очень на это надеялся. Я понятия не имел, как впоследствии будет вести себя волк, живущий в стае людей. Тут мне в голову пришла

мысль, что мы наблюдаем некую зеркальную историю Маугли, где мальчик вырос в стае волков, а у нас волк, я надеюсь, вырастет и будет жить в нашей стае. Но, скажу честно, сомнения у меня были. Несмотря ни на что, я понимал, что волк — это не собака, привыкшая подчиняться человеку за несколько тысяч лет на генетическом уровне, и здесь все будет сложнее. Ладно, значит, будем дрессировать, учитывая это. Хотя, как именно дрессировать, я пока еще тоже не понимал.

— Если будет хорошей, то кусаться не будет, а если будет плохой – тогда будет. Мы будем учить её быть хорошей.

— Как... учить... считать?

Я рассмеялся.

— Нет, Прыгун. Учить считать её не надо. Надо учить слушать. Не кусаться. Приходить, когда зовут. Это... другое обучение.

Прыгун кивнул так серьёзно, будто я открыл ему секрет вселенной, и побежал к другим детям, чтобы рассказать им о том, что он узнал, и что он первый среди них, а может, и среди всего человечества, кто гладил настоящего свирепого, живого волка.

На следующий день решились подойти и Щур с Чиром. Даже сейчас они действовали осторожнее. Остановились дальше. Не тянули руки. Просто смотрели с безопасного расстояния, пока Варвара спала на моей лежанке. Они смотрели, наблюдали, изучали и переваривали информацию о том,

что в пещере теперь живет волк и что он, пока что, никого не съел.

Постепенно, вслед за детьми, подходили все члены племени. Кто-то делал вид, что ему не сильно интересно, но это было неправдой, любопытно было всем. Однажды подошла Мата. Остановилась в двух шагах. Посмотрела.

— Растет, — сказала она. — Быстро… Быстрее, чем я думала.

— Чужие дети всегда быстро растут, — усмехнулся я. — Еда помогает расти.

Мата не поняла шутку. Может быть, и к лучшему, потому что своих детей, насколько я понял, у Маты никогда не было.

— Если вырастет плохая… — Она не договорила, но я понял.

— Если вырастет плохая, я сам её убью, — сказал я. — Обещаю. Но я не думаю, что она вырастет плохой. Она слишком умная, чтобы быть злой к тем, кто её спас.

Мата кивнула еще раз и отошла.

«Ага, убьет он», — подумал я про себя. Герасим хренов. Уже сейчас я понимал, как сильно привязался к этой боевой Варежке и как сильно я её люблю. В некотором роде я видел в ней себя в зеркале. Она, как и я, попала в чужой, незнакомый ей мир. И, как и я, пытается в нем выжить и подстроиться под него. А для этого ни ей, ни мне нельзя кусать руки, которые нас кормят. В этом мы с Варварой были очень похожи.

На следующий день, когда Мата раздавала еду, моя порция была не как у всех, а больше. Таким образом Мата давала понять, что на данном этапе считает Варвару членом племени, и это меня очень радовало.

Молот к нам больше не подходил. Я вообще с первого дня появления Варвары больше его не видел. Рано утром на второй день он с еще двумя охотниками ушёл на разведку и до сих пор не вернулся. Этому были свои веские причины. Дело в том, что, судя по следам, оставшимся на месте гибели волчьей семьи, причиной произошедшего были не кто иные, как мамонты. Но мамонтов здесь сейчас никаким образом оказаться не могло, и это было очень странно. Но охотники внимательно осмотрели площадку около волчьего логова и вынесли свой уверенный вердикт. Это именно они. Только мамонт может нанести волку такие, несовместимые с жизнью повреждения и, не тронув тела, уйти дальше. Следовало выяснить, куда направляется эта семья (а мамонт явно был не один) и насколько далеко от места нашей зимней стоянки. Остальные же были заняты обработкой волчьих шкур и другими повседневными бытовыми заботами. Я сходил еще два раза проверить ловушки. И в первый раз вернулся с уловом в количестве трех рыбин, похожих на хариуса. Небольших, но достаточно мясистых. А вот во второй раз мне не повезло: лед начал подтаивать, и, подойдя к берегу, я понял, что подходить к месту установки ловушек сейчас — это чистое самоубийство. Варвара оба похода была со мной. Часть пути

она снова проделала за пазухой, а часть героически протопала своими собственными лапами. Я сперва опасался выпускать её вдали от пещеры, опасаясь, что она убежит, но опасения были напрасными. Варежка не отходила от меня ни на шаг и шла рядом, как привязанная. Она набиралась сил и крепла с каждым днем. А еще, возможно, мне показалось, но она немного подросла.

* * *

А через два дня пропала шкурка. Я узнал об этом утром, когда Мата подошла ко мне сразу после того, как я проснулся.

— Шкура, — просто сказала она. — Пропала. Хорошая. Моя... работа. Твоя... работа. Мы... делали... вместе. Теперь нет.

Если пропажу куска мяса неделю назад еще можно было свалить на какого-то сильно оголодавшего члена племени, то исчезновение шкуры казалось совершенно нелогичным. Мысленно я успел обрадоваться, что в эту ночь я не дежурил, а значит, не должен был снова попасть под подозрение. Если бы это произошло в мое дежурство, я бы, наверное, уже никогда не оправдался, но сегодня дежурил Филин. Естественно, Филин сказал, что тоже не брал и ничего не видел. И я ему сразу поверил. Уж слишком растерянное было у него выражение на лице, а неандертальцы очень плохие артисты. Прямо скажу — врать они не умеют совершенно. Потому что им это не нужно. Ну да, кажется, я уже объяснял. Но тем не

менее шкура пропала.

— Что за шкура? — решил уточнить я, хотя уже понимал, о чем говорила Мата. Но мало ли? Вдруг в этот раз просто кто-то куда-то переложил, и пропажи никакой не было.

— Кролика. Тонкая. Белая. Для одежды… детям. Я положила… вчера. Возле стены — там, — показала Мата рукой. — Сегодня нет.

Мата говорила короткими рублеными фразами, впрочем, как и все неандертальцы. В голосе звучала обида, раздражение, и тут я подумал: стоп. А почему она говорит о пропаже именно мне? Я-то тут при чем? Она что, снова подозревает меня?

— Я не брал, — сказал я. — Мата, клянусь. Кольцом. Чем угодно! Я не брал твою шкуру.

— У тебя... волк, — сказала она наконец. — Волк... ест... мясо. Может... шкура... для... волка? Для... гнезда?

— Волк не ест шкуры, — сказал я. — Она ест фарш из рыбы или мяса. Она пьет молоко, когда нам дает его Ита. Она спит у меня под боком, ей не нужны шкуры. Я не брал.

— Кто... тогда? — спросила Мата.

— Не знаю, — признал я. — Но это не я. И не Варвара. Она слишком мала, чтобы стащить шкуру. Она едва тащит собственные лапы. А что говорит Филин? Может, он что-то видел? Или слышал? — Я невольно улыбнулся, потому что по иронии судьбы Филин был глуховат на одно ухо.

— Он тоже не видел. Скажу… Старому, — сказала она.

— Он скажет смотреть. Найдем… кто.

Она отошла, а я остался сидеть с просыпающейся Варварой на коленях. Она смотрела вокруг сонными глазами, позевывая и не имея понятия о том, что её только что пытались обвинить в воровстве. Я встал и, подхватив на руки Варьку, вышел из пещеры. Я сразу приучал её делать все свои собачьи (ну то есть волчьи) дела только на улице, и надо сказать, она неплохо с этим справлялась. Рефлексы у животных в этом возрасте закладываются очень быстро. Главное было сразу после длительного сна вывести её на улицу, чтобы по забывчивости она не сделала лужу прямо в пещере. Ничего страшного, случись такое, конечно, не произошло бы, и многие дети так и поступали, но в воспитании волчицы я решил, что правильнее будет сразу обучить, чем потом переучивать.

Сегодня вечером я решил помыться. Я, по-моему, забыл рассказать вам, как это происходит здесь зимой. Во время перехода всем было не до мытья, потом заселение, история с отрядом разведчиков высоких… В общем, слушайте: в каменном полу пещеры, в определенном месте были сделаны два прямоугольных углубления сантиметров двадцать — двадцать пять глубиной и со сторонами примерно полметра на метр. Не ванна, конечно, но скажем так: тазик, литров на тридцать воды. Сперва в этом углублении разводился небольшой костер. Это нужно было для того, чтобы прогреть стены и дно «тазика». Потом угли и зола выгребались, и выемка заливалась водой, а чаще всего просто закидыва-

лась снегом. Снег таял, а растаявшая вода доводилась до комфортной температуры уже описываемым мной способом с нагретыми на костре камнями. Можно было сесть на край этого «тазика», опустив ноги внутрь, и вполне комфортно смыть с себя пот, грязь, а главное — надоедливых паразитов. В качестве мыла и шампуня использовалась зола, а в качестве мочалки — пучок высушенной травы. Я очень любил делать воду погорячее и уже прорабатывал в голове план, как летом можно будет построить настоящую русскую баню, топящуюся «по-черному». Описываемый мной способ помывки был неплох, но главным его неудобством было то, что, по понятным причинам, эти углубления в полу находились в самой теплой части пещеры, а теплым оно было еще и потому, что здесь не было сквозняков и очень плохо проветривалось. Соответственно, дым от огня, разводимого для предварительного прогрева стенок и дна, расходился по пещере и очень долго не выветривался. Можно было, конечно, греть воду сразу горячими камнями, но на это уходило очень много времени и, соответственно, дров. Впрочем, в разгар зимы, когда стояли самые сильные морозы, именно так все и поступали, благо три костра горели круглосуточно, обогревая пещеру. В общем, сегодня у меня была «баня». А еще должен сказать, что к весне мы все практически избавились от паразитов. Главное средство — это вымораживание. Если у тебя есть другая шкура, ты выносишь её на пару дней на мороз, а после бани уже надеваешь её и оставляешь вымораживаться

ту, в которой ходил до этого. Полностью избавиться от кровососов, к сожалению, не удается, но популяция их падает до минимума. К сожалению, летом этим способом воспользоваться невозможно, и к осени все мы снова завшивеем, как саблезубые ежики. Если что, это не я так сказал — Мата.

Так прошел еще один день. Молот с охотниками снова не вернулся, но в пещере никто не испытывал беспокойства по этому поводу. Смерть от холода им уже не грозила, весна вступала в свои права, а уж пропитание три здоровых охотника всяко сумеют себе добыть. Грох объяснил мне, что выслеживание мамонта может занять до двух рук дней, потому что важно не только найти место, где они пасутся,

но и еще определить направление движения, и самое главное — не вспугнуть. Хотя в это мне верилось с трудом. Маловероятно, думал я, что такая машина может хоть кого-то бояться. Семью свирепых волков они передавили практически походя, не заметив. Но, как выяснилось, не все так просто. Мамонты были достаточно умны и хорошо знали, кто может на них охотиться, а кто нет. Волк не мог, а человек запросто. Особенно высокие, в последние годы. Поэтому вожак стада, даже просто почуяв запах человека, мог, от греха подальше,увести стадо километров на сорок-пятьдесят в сторону по тундростепи, и все, баста. Так далеко за ними нам уже не уйти.

Глава 5

Я стоял и все не мог поверить, что нашел соль. Точнее — источник соли. Зимой я не раз думал, как решить этот вопрос, прорабатывал разные варианты и не мог ничего придумать, а оказывается, он был буквально под носом, всего в часе ходьбы от пещеры. Наше золотое Эльдорадо! Решение многих проблем. И дело было даже не в придании еде привычного мне вкуса, хотя для меня это и было очень важно. Дело было в другом. Конечно, соль не решала проблему голода напрямую. Соль не насыщает, не греет и не защищает от хищников, но соль помогает сохранить мясо. Да, зимой его можно заморозить… но вот летом… Мясо, подсоленное гораздо легче и быстрее завялить, чем пресное. А пока летом оно тухнет, мухи норовят отложить свои личинки, которые превращаются потом в опарышей. В общем, КПД такой заготовки довольно низок. С помощью соли, я надеюсь, его можно будет увеличить кратно. Итак, теперь у нас есть ручей. Есть соль. Есть возможность. Теперь главное — это доказать племени, что это работает. Что из соленой воды можно получить нечто очень полезное, а потом применить это полезное на благо всего племени.

А потом организовать добычу. Хранение. Впоследствии можно будет менять соль с другими племенами на шкуры, на мясо.

Товарообмен в этом времени существует пока только в зачаточном состоянии, но он уже есть. Грох рассказывал, что какое-то племя иногда приходит и приносит какой-то «черный клей».

Примерно так я понял его объяснение. Что это такое, он показать мне сейчас не может, потому что вещь очень ценная, добывать его умеет только какое-то дальнее племя, и секрет добычи держит в тайне, меняя его на шкуры и наконечники для копий. Кстати, интересно, что имеется в виду? Нефть? Да нет, не нефть. Грох сказал, что этим клеем очень хорошо пропитывать веревки перед тем, как привязывать наконечники к копью. Тогда они гораздо лучше держатся. Возможно, какая-то смола?

Варька между тем сидела рядом и смотрела на меня осуждающе. Видимо, она все не могла мне простить, что я не присоединился к охоте на зайцев. Глупая, она еще не понимает, что в таком составе и с голыми руками наши шансы были бы равны нулю. Но зато, побеги я за ней, я не раскрыл бы загадку соленых камней, а это в данный момент куда важнее, чем даже три тощие весенние тушки ушастых. Кстати, не исключено, что зайцы приходят сюда лизать камни каждый день, и поэтому, если хорошо подготовиться, вооружиться и сделать засаду, то тогда можно будет и добыть пару-тройку тушек.

Я встал, посмотрел на голубое, с редкими белыми облаками небо, на солнце, которое грело сегодня еще сильнее, чем накануне. Надо было экспериментировать.

Довольно скоро я нашел более крупный, плоский камень с естественным углублением посередине. Поставил его на два других, в форме кирпича, так, чтобы под плоским камнем между ними осталось место, и быстро развел костер из сухой травы и хвороста. Зимой у меня было достаточно времени, для того чтобы потренироваться, и я уже умел очень ловко это делать. Нагрел камень на огне, пока он не стал горячим настолько, что вода на нем шипела и пузырилась, закипая, как на сковороде. Затем я начал набирать воду в ручье и понемногу подливать её на камень взамен выкипающей. Пар поднимался вверх, объем воды уменьшался, но я снова и снова подливал новую. Я смотрел на кипящую воду и думал, как странно выглядит моя жизнь теперь: менеджер по логистике, футболист, сидит у костра и выпаривает воду из ручья, чтобы получить соль. Ту самую, стоящую в моем мире копейки. Ну ладно, при мне уже не копейки, но во времена молодости моих родителей точно так и было. Семь копеек за килограмм, кажется. Примерно через полчаса в углублении камня была уже не вода, а жидкая кашица — мутная, грязноватая, с плавающими в ней частицами песка и глины. Я перестал подливать воду и дождался, пока она полностью выкипит. Кашица загустела, потемнела сильнее и начала кристаллизоваться. Я потушил огонь под камнем и начал ждать, пока он остынет. Примерно через полчаса в углублении лежали кристаллы. Конечно, это была не та магазинная соль. Кристаллы были некрасивыми, грязноватыми. С примесью

серого, желтого и зеленоватого. Неровными. Разного размера — от небольших песчинок до рисового зерна. Некоторые даже чуть крупнее. Но это была соль! И я был в этом уверен. Это была соль, которая для меня сейчас была ценнее серебра, золота и платины вместе взятых. Я взял один крупный кристалл и положил его на язык.

СОЛЬ!!!

Настоящая, соленая, мать её, соль! Сильная! Острая! Взрывающаяся на языке тысячей иголочек, каждая из которых кричала: «Помнишь меня? Я — вкус жизни! Я — то, без чего всё — другое!» Кто там что-то ляпнул про белую смерть? Эх, господа, господа… не дай вам Бог оказаться на моем месте. Кстати, о Боге… Я снял с пальца кольцо и прижался к нему губами. «Господи, если это ты, то спасибо тебе! Это был лучший из возможных подарков!» Кстати, если не ошибаюсь, где-то в Библии было сказано про соль как о важнейшем в жизни, в том ключе, что любую пресную пищу можно сделать соленой, и только если сама соль потеряет вкус, то никак ты его уже не вернешь. И именно сейчас я понял, что имелось в виду. Ну ладно… пусть не понял, а подумал, что понял. Надеюсь, что понял и понял правильно.

Варвара лежала рядом, греясь на солнышке, и как будто даже задремала, хотя уши её периодически поднимались, даже во сне контролируя обстановку вокруг. А я закрыл глаза и сидел так несколько минут. Просто чувствовал на языке вкус соли и позволял себе не думать больше ни о чём. Потом

я открыл глаза, собрал все кристаллы в ладони. Получилось почти две горсти. Граммов сто, может сто пятьдесят. Сделал кулечек из березовой коры, аккуратно пересыпал свое сокровище в него и пошел домой.

Теперь у меня была соль, и я знал, что с ней делать.

* * *

В пещере все были заняты своими делами. Мата что-то варила в «котле» прямо на улице. Грох сидел на солнышке у входа в пещеру и отбивал что-то из камня. Видимо, мастерил наконечник, или нож, или скребок. Он бил одним камнем по-другому медленно, с частыми паузами, чтобы дать отдохнуть руке, которая, похоже, тоже начинала его подводить. Дети играли недалеко какими-то костями, и даже Старый вышел из пещеры на солнце — чуть ли не первый раз за зиму. Не было только команды охотников.

Я подошел к Старому и вкратце рассказал о том, что вода поднялась и мерёжи, скорее всего, унесло, так что нужно будет сделать новые. О том, что в ближайшее время о рыбалке можно даже не думать, а потом, не став ходить вокруг да около, рассказал о зайцах, лижущих камень, а после достал кулек с солью, развернул и положил его на камень перед Старым.

Все, кто был рядом, подошли и тоже смотрели, но ничего не спрашивали. Молчал и Старый. Видимо, ждал, когда я сам что-то поясню.

— Соль, — сказал я, и голос мой был ровным и спокой-

ным. — Нашел… сегодня. Там… В воде ручья. Это то, что лижут зайцы. Вода… Варил на камне… Вода ушла… это осталось.

Ответом мне была тишина. Все смотрели с недоумением, не понимая, что это такое, зачем оно нужно и как вообще реагировать на какие-то новые причуды этого странного чужака.

Первой не выдержала Мата. Она подошла ближе. Посмотрела на кристаллы. Потом на меня. И снова на кристаллы.

— Что... это? — спросила она. — Песок? Магия? Грязь?

— Соль, — повторил я. — Белый... вкус. Попробуй. Маленько. На... язык.

Мата колебалась. На её лице была написана борьба любопытства с недоверием. Чтобы развеять её опасения, я взял один кристалл и первым положил его себе на язык. Мата все еще колебалась, но тут Старый протянул свою костлявую, с узловатыми пальцами руку, взял пару кристаллов, поднес ко рту и положил в рот.

Несколько секунд он молчал. Брови его чуть приподнялись, глаза расширились, он пожевал губами, и было совершенно непонятно по этой реакции, какое впечатление на него произвел вкус кристалла.

— Горько, — сказал он. — Сильно горько. Но не горько как трава, и не горько как дым. Горько как… — он пожевал губами. — Горько — как кровь, и как вода бежавшего охотника. — Он перевел взгляд на меня. — Зачем нам горький

песок, Дан?

Я понял, что он хотел сказать. Естественно, если в их мире не использовалась соль, то не было и понятия «соленый», а наиболее близкое из вкусовых ощущений к соли — это, конечно, горечь. Особенно когда соли очень много. А кровь и правда была солоноватой. А еще, конечно же, соленым был пот. Именно это и имел в виду Старый, говоря о воде бегущего воина, а не то, что кто-то из вас мог подумать. Хотя моча тоже могла быть соленой, но проверять мы не будем. Кстати, из-за того, что здесь я потреблял много меньше соли, чем в своем мире, то и пот мой был не таким соленым, как раньше.

— Острый, горький песок, — резюмировал Старый. — Зачем он нам, Дан? — повторил он свой вопрос.

В это время не выдержал Грох. Он тоже подошел и, взяв кристалл, положил его на язык. Его лицо повторило эмоции, которые только что были на лице у Старого. Брови подпрыгнули, губы растянулись в полуулыбке и гримасе удивления. Мата была третьей. Она брала кристалл осторожно, словно змею, готовая тут же бросить его, если он вдруг зашипит. Взяла самый маленький, положила на кончик языка. Распробовала вкус, сморщилась и… выплюнула с выражением неудовольствия на лице, вытирая язык ладонью.

— Странный, — сказала она, отплевываясь. — Плохой горький песок. Глупый Дан.

Ну что же, спасибо на добром слове. Награды в первый

же день я и не ждал. Предполагал, что это будет непросто. Ничего, ничего, будем считать, что проигран только первый бой, но не сражение. Посмотрим, как ты запоешь, моя дорогая Мата, когда увидишь, что мясо и рыба, пропитанные солью, вялятся в четыре раза быстрее, в них не заводятся черви, и хранится оно потом в разы дольше.

Дети осмелились попробовать самыми последними. Их реакции были смешными.

— Горько! — сказал Прыгун и сразу же попросил добавки.

— Странно, — сказал Щур и продолжил рассасывать кристаллы, изучая ощущение.

А Молот? А вот Молот не подошел. Он стоял у входа в пещеру, скрестив на груди руки, и смотрел на происходящее с таким выражением, как будто хотел сказать: «Опять ты. Опять что-то придумал. Опять привлекаешь к себе внимание племени». Хотел сказать, но ничего не сказал. Не подошел, не взял кристалл, не попробовал. Развернулся и так же молча пошел в пещеру. «Невелика потеря», — подумал я. Молот испытывал ко мне некое чувство зависти. Я пришел в племя недавно, не был членом семьи по крови, но уже не первый раз привлекаю к себе внимание племени. Благодаря мне все спят теперь на усовершенствованных лежанках, благодаря мне нам всю зиму не угрожали «высокие», благодаря мне мы зимой ели рыбу чаще, чем раньше, и добыть её было проще. И вот я опять что-то принес. Естественно, он

переживает.

Когда интерес и ажиотаж вокруг новой вещи немного утих, я, насколько смог, объяснил значение того, что нашел.

— Это — соль, — сказал я, держа в руках горсть кристаллов, как драгоценность. — Соль... сохраняет... мясо. Мясо... без соли — портится. Через... два... дня... три. Мясо... с солью — живёт. Долго. Может... десять дней. Может... больше. Если... сушить... с солью — ещё... дольше.

— Пробуй, — сказал Старый. — Ты странный, Дан, но у тебя есть знание. Знание, которое помогает. Если ты прав и сейчас, то ты принес хорошую вещь и хорошие новости.

Мата смотрела недоверчиво. Ей не понравился вкус соли, она не верила, что этот предмет может быть полезным.

— Мясо будет горьким, — сказала она.

— Не горьким, — поправил я. — Соленым. Но это ничего. Сейчас вы все пробовали соль в чистом виде, поэтому вкус кажется вам излишне резким. Посоленный продукт не будет так сильно горчить. Ну и потом, мясо всегда можно будет вымочить в воде, и лишняя соль уйдет.

— Не знаю… — неуверенно покачала головой Мата. — Дан делать. Потом я смотреть.

— Зима была плохая, — продолжил я. — Мало мяса. Если бы была... соль — мы сохранили бы больше. Меньше голодали. Теперь я знаю, где... брать. Можно... делать... много. На всю следующую зиму.

Старый Зубр выслушал меня. Посмотрел, прищурившись,

пожевал губами и наконец выдал свой вердикт:

— Как... холод... но лучше, — сказал он. — Холод... убивает... медленно. Это... спасает... быстро. Хорошая... сила. Сила... ума. Ум — хорошая... сила. Делай, Дан. Потом покажешь.

Ну что же… Это тоже победа. Доверяй, но проверяй. В результате этого обсуждения мне было разрешено засолить два куска мяса из сегодняшней добычи. Охотникам посчастливилось поймать небольшую косулю. Семья животных, спасаясь от охотников, бросилась в реку, чтобы переплыть на другой берег, а одно животное, видимо, было слабее других и, не проплыв и трети, повернуло обратно. Ослабленное, оно из последних сил выбралось на берег, где его уже ждали Молот с охотниками. Так что сегодня у них была хорошая добыча. И большинство на ужин ели мясо сырым. Я же, чуть не дрожа от предвкушения, натер свой кусок мяса солью, насадил его на деревянную палку и обжарил над костром. Эх, еще бы перчика с лаврушкой — и был бы шикарный шашлык. Но и так получилось здорово. Варьке достался сырой кусок. Не потому, что мне было жалко, просто ей так привычнее. Я дал попробовать готовое мясо с солью Гроху. Я думал, что вкус будет непривычным и неприятным для него, но неожиданно ему понравилось.

— Хорошо, Дан, — сказал он. — Хорошая... находка. Но ты другой, Дан. Кто ты?

Вопрос поставил меня в тупик. Эх, Грох… Да если бы

я сам знал, кто я. Человек. Менеджер. Футболист. Попаданец без опыта работы. Член племени Зубра. Хитрый полоз. Именно этому слову было созвучно мое имя на языке племени Зубра. Я ничего ему не ответил. Можно сказать, что вопрос был риторическим. Грох задавал мне его уже не первый раз. Да я и сам часто задавал его себе.

* * *

На следующий день Старый отправил охотников к ручью, чтобы выследить зайцев, остальные члены племени занимались своими делами, благо дел всегда хватало. Отправил, кстати, не зря: когда они вернулись, то принесли оттуда тушки двух зайцев. Третьего, оказывается, тоже могли добыть, но специально не стали этого делать, чтобы он мог привести к горьким камням новые жертвы. Вот так. Даже в первобытной охоте была своя тактика и стратегия. Вечером Старый Зубр собрал всех членов племени на большой совет. Собрались все. Даже женщины с маленькими детьми и Сыч — второй старик племени, о котором я знал очень мало. Почти столько же, сколько и в первые дни, когда я здесь появился.

Сыч. Я смотрел на него внимательно, потому что раньше никогда не обращал внимания. Он был маленьким и очень худым. Сухим, как ветка. Лицо его было густо покрыто сетью морщин, и даже как будто складок, кожа обвисла, как старая ткань. Глаза Сыча были большими, темными, блестящими, почти без белков. Он смотрел на мир, никогда не моргая, ну или моргая реже, чем положено нормальному человеку.

Я подошел и сел рядом с Грохом. Сыч посмотрел на меня, и я выдержал этот взгляд. Он отвернулся, но сделал это с таким видом, как будто все про меня знает. Знает даже то, чего пока еще не знаю я сам. Интересно, подумал я, он союзник мне или враг?

Старый Зубр начал совет без предисловий. Неандертальцы вообще не страдали многословием, а Старый особенно.

— Лёд уходит… Река открылась, белая вода становится прозрачной и уходит в реку. Скоро вся белая вода уйдет. Откроются пастбища, придут зубры, вернутся мамонты. Одна семья мамонтов уже вернулась. Вопрос… — он посмотрел вокруг, ненадолго задержав взгляд на каждом. — Куда идет племя Зубра? Остаемся здесь? Или уходим?

И началось обсуждение. Первой высказалась Мата. Она говорила от имени всех женщин. Очевидно, они уже обсуждали это в своем кругу, и поэтому никто из женщин ей не возражал. Все молча слушали с напряженным выражением на лицах. Мата сказала:

— Высокие близко. Белая вода защищала. Сейчас белой воды не будет. Они… Нашли нас… однажды… Могут найти снова… Лучше уйти. Дальше... Туда, где их нет… Вернуться потом, когда снова придет белая вода.

Мату поддержал прибившийся к племени охотник из племени Старого Орла. Ми-ха сказал:

— Они пришли… Вдруг… Никто не ждал. Я был на охоте… Вернулся – все… Высокие убивают… Надо уходить. Ту-

да, где они не найдут.

Но были и те, кто высказался против. Например, Грох сказал:

— Уходить... куда? — голос его был слабее, чем раньше. — Путь тяжелый... Дети... слабые. Старый... слабый. Я... (он посмотрел на свою ногу) ... слабый. Если... пойдём — кто-то... умрёт... по... дороге. Может... многие. Лучше... ждать. Здесь... пещера. Здесь... огонь. Здесь — лучше... чем... дорога.

Мне тоже не хотелось уходить, и тому было несколько причин. Во-первых, мне хватило прошлогоднего путешествия, когда я провел в дороге практически все лето. Кстати, из-за этого перехода пострадало и племя тоже: мы не смогли запасти на зиму тр**а**вы, нам пришлось оставить много мяса и шкур зубров после удачной охоты. Во-вторых, неандертальцы привыкли постоянно находиться в движении, они не обрастали скарбом, тысячелетиями мигрируя следом за стадами живности, будь то зубры или мамонты. Они не занимались земледелием, не строили дома, если не считать домами разборные постройки из ребер мамонтов и шкур. Я же абсолютно не ощущал себя кочевником. Мне нравилось жить на одном месте. Я считал лучше любого в племени, а потому с удовольствием занимался планированием и был готов делать запасы, прекрасно понимая, чего и на сколько хватит. Ну и самое главное: здесь я нашел соль, и было очень мало шансов, что нам на пути встретится еще один солевой источник.

Насколько я помню, открытых залежей или разломов в этой части земли тоже нет. Вроде как в мое время добывают соль в Березниках, но, во-первых, это достаточно далеко, во-вторых, даже там она залегает на глубине четырехсот метров, ну и самое главное — это не соль натрия, а соль калия. Вроде бы тоже соленая, но, как говорится, есть нюанс. А еще Грох, несомненно, был прав в том, что наши старики и дети не выдержат такого перехода, а люди сейчас были нашим главным богатством. После гибели группы Гроха, с которого можно сказать и начались мои приключения здесь, племя было весьма малочисленным. В общем, я тоже высказался за то, чтобы остаться.

Когда высказались все, Старый Зубр принял решение и огласил свой вердикт:

— Зима... почти... ушла. Солнце... высокое. Через... руку... (пять дней) ... белая вода уйдет. Тогда — земля... будет... вязкая. Тогда — идти... тяжело. А сейчас идти — рано. Решим... потом. Сейчас — (он посмотрел на меня) ... Дан... нашёл... соль. Здесь... соль. Там (он махнул рукой в неопределённом направлении, означающем «где-то там») — не... знаем. Соль... важнее... нового... места. Остаемся. Пока.

Ключевое слово «пока». Оно означало, что решение о переходе поставлено на паузу и снова будет обсуждаться, когда сойдет снег и подсохшая земля станет пригодна для путешествий. О слабости себя, Гроха или детей Старый не сказал ни слова. Но зато он сказал про мою соль. И это означает,

что если я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.